

*К 100-летию образования Союза ССР
To the 100th anniversary of the formation of the USSR*

Научная статья

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-17-58

УДК: 930.01

**Социальная технология принудительных переселений в СССР:
проблемы межэтнических отношений. 1917-1953 гг.**

Николай Федорович Бугай

Институт российской истории РАН

г. Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Аннотация. В 1922 г. исполняется 100-летие Советского Союза, государства, в основу формирования которого были заложены принципы равноправия народов, организация социалистической системы хозяйствования, возрождение культуры этнических общностей народов, формирование их сообществ на новых началах.

Конечно, стране, в которой отмечалось тяжелое экономическое состояние, особенно с учетом только что закончившейся Гражданской войны (1918 - 1922 гг.), а на окраинах (Дальний Восток и др.) она еще продолжалась, пришлось испытать новые трудности, которые необходимо было преодолеть в иных условиях в масштабе всей страны, нового государственного объединения – Советского Союза.

Предстояло решение и такой важной задачи как формирование самосознания и национального сознания граждан. Эти приоритетные направления выступали на передний план строительства новой государственности, их реализация видела на своем пути и победы, и потери. Тем не менее развитие социальных процессов в новом государстве требовало внесения отдельных корректив, отступления от провозглашенных лозунгов социалистической революции, за торжество которых сражались рабочие и крестьяне и в 1917 г., и в годы войны. И уже в 1918 г. стали использоваться на практике методы, базирующиеся на применении мер карательного свойства. Тому, каким образом проходили эти процессы, их развитию в Союзе ССР и посвящена предлагаемая статья. Материал рассмотрен на примере Казахской ССР и республик Средней Азии - регионов, принявших сотни тысяч представителей многих этнических общностей.

Ключевые слова: СССР, Казахская ССР, Средняя Азия, принудительное переселение, межэтнические отношения, спецпереселенцы, культура межэтнического общения, взаимодействие

Для цитирования: Бугай Н.Ф. Социальная технология принудительных переселений в СССР: проблемы межэтнических отношений. 1917-1953 гг. // *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2021. Том.13 № 5. С. 17-58.
DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-17-58

Original article

Social technology of forced movement in the USSR: problems of interethnic relations. 1917-1953

Nikolay F. Bugay

Institute of Russian History RAS

Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>

nikolay401@yandex.ru

Abstract. 1922 marks the 100th anniversary of the Soviet Union, the state, the formation of which was based on the principles of equality of peoples, the organization of a socialist economic system, the revival of the culture of ethnic communities of peoples, the formation of their communities on a new basis.

Of course, a country in which a difficult economic situation was noted, especially taking into account the just ended Civil War (1918 - 1922), and on the outskirts (the Far East, etc.) it was still going on, had to experience new difficulties that had to be overcome in different conditions on a national scale, a new state association - the Soviet Union.

There was also a solution to such an important task as the formation of self-awareness and national consciousness of citizens. These priority areas came to the fore in the construction of a new statehood, their implementation saw both victories and losses on its way. Nevertheless, the development of social processes in the new state required the introduction of certain adjustments, a departure from the proclaimed slogans of the socialist revolution, for the triumph of which the workers and peasants fought both in 1917 and during the war years. And already in 1918, methods based on the use of punitive measures began to be used in practice. This article is devoted to how these processes took place, their development in the USSR. The material is considered on the example of the Kazakh SSR and the republics of Central Asia, regions that have received hundreds of thousands of representatives of many ethnic communities.

Keywords: USSR, Kazakh SSR, Central Asia, forced resettlement, interethnic relations, special settlers, culture of interethnic communication, interaction

For citation: Bugay N.F. social technology of forced movement in the USSR: problems of interethnic relations. 1917-1953. *Historical and Social-Educational Idea*. 2021 Vol. 13, No.4. PP. 17-58. (In Russ.).

DOI: 10.17748/2219-6048-2021-13-5-17-58

Материалы и методы. К настоящему времени по изучаемой теме издан обширный круг научных исследований как в центре, так и в регионах с компактным проживанием граждан, подвергшихся деструктивному воздействию органов Советской власти, в том числе принудительному переселению в 1920 - 1940-е годы. Интерес к проблеме по-прежнему не угасает, вызывая споры и дискуссии. Изучены и многие новые документы, хранящиеся в архивах. Все это позволяет раскрыть особенности и причины принимавшихся карательных мер по отношению ко многим этническим общностям, населяющих территории Союза ССР.

Читателю будут доступны многие аспекты темы, связанные с переселением и с обустройством переселенцев на проживание. В статье использованы итоги как индивидуальных исследований, так и опубликованных в документальных изданиях. Приведен богатый нарратив выявленных документов в РГАНИ и других архивохранилищах.

Специальный раздел посвящен подборке отзывов спецпереселенцев о большой помощи, которая оказывалась им со стороны казахов и других этнических общностей. Местные жители делились последним куском хлеба с совместно проживающими спецпереселенцами.

Публикация отличается большим территориальным охватом.

При подготовке публикации автор опирался на известные методы и принципы исторического исследования, что позволило всесторонне раскрыть проблему. В частности, применялись региональный принцип, принцип консоциальности, доверия, метод исторического описания, историко-сравнительный метод, историко-генетический, историко-типологический, позволяющий провести обобщение результатов и, как итог, имевших место трансформаций.

Обсуждение. Можно сделать вывод, что в Российской Федерации создана осязаемая база по такой сложной проблеме как принудительное переселение народов. Это позволяет подготовить и обобщающее комплексное исследование по истории этой проблемы в жизни советского государства при этом как на разных этапах его развития, так и применительно к 1929 – 1950-м годам. Надо полагать, что решение этого вопроса дает возможность концентрировать выводы, в частности о недопустимости подобных мер в решении конфликтных ситуаций, возникавших по вектору «народы и власть».

Практика свидетельствует о том, что в решении такой сложной проблемы отношений между государством возможно применение таких принципов как консолидация, доверие, консоциальность. Фактически события в Казахстане развивались именно по этому пути.

Итоги отношений были в основном позитивными: укреплялись межэтнические отношения, создавались условия для развития сферы экономики, культуры народов, межэтнического общения. В связи с этим проявляется внимание к оценкам положения самими гражданами с одной и другой стороны.

Предлагаемая социальная технология принудительных переселений не является совершенно новой для рассматриваемого периода истории советской государственности. Она не является изобретением ни России, ни Союза ССР. Задолго до их возникновения она находила широкое применение как в международном масштабе [26, с. 230-252; 28; 38; 12], так и по отношению к отдельным государствам [3; 6, с. 34, 83-90].

Изучение ее возникновения и эволюции началось еще в период действовавших империй (Римская, Османская, Российская, Япония и др.). Этот факт находит отражение во многих нормативно-правовых актах как времен Царской

России [33; 20, с. 9; 27; 32; 31; 24], так и периода Советов (с 1917 г.), когда уже в первый год установления советской власти она получает свое проявление. Затем границы ее применения расширяются и ей придается постоянный характер. Она становится механизмом в процессе осуществления государственной национальной политики в СССР в 1920 - 1940-е годы.

Это явление было свойственно и таким государствам, как Испания, США, Германия, а также почти всем странам бывшего социалистического содружества - Румынии, Венгрии, Югославии, Чехословакии, Польше, Вьетнаму. Претерпели трансформации в ходе практического применения этой технологии и регионы Советской России - Дальний Восток, Казахская ССР, республики Средней Азии и др.

На каждом из этапов ее использования это объяснялось прежде всего интересами того или иного государства. Поэтому встречающаяся в исторической литературе точка зрения (Полян, Дьяченко и др.), что якобы подобная технология есть творение социализма, полностью неприемлема. Можно согласиться с тем, что в Советской республике совершенствовались разные стороны этой технологии путем ужесточения форм и методов ее использования, придавая ей в большей мере военный характер, привлекая к этому не только силы поддержки общественного порядка - органы власти, курировавшие в государстве это направление, но и военную силу в широких масштабах. По нашему мнению, это обуславливалось размерами территории государства, объемом той работы, которая была необходима для внедрения в практику зачастую сплошь непродуманных жестких мер.

Исследование проблемы показывает: вряд ли кто-либо в изначальный период существования Советов задумывался над последствиями применения разработанной системы мер подобного наказания и тем более итогами использования этого механизма на практике в плане объединения этнических общностей в многонациональном государстве.

Кстати, в стороне от этих дел находился и специально созданный в структуре государственной власти Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац России) (1917 - 1923). В первый год деятельности советского правительства были разработаны законодательные акты в области социальной политики, среди которых: «О страховании от несчастных случаев» (23 июня 1918 г.) «Положение о социальном обеспечении трудящихся» (8 октября 1918 г.), «О страховании на случай болезни» и другие. Безусловно, военная обстановка не позволяла проводить эти решения в жизнь. При этом внимания на уже проводимые принудительные переселения в рамках отдельных территорий - Северный Кавказ и иные - не обращалось.

Реализация политических лозунгов на практике потребовала длительного времени. Развязанная гражданская война усугубила этот процесс и вытаскала на поверхность в большей мере сложный вопрос - обострение межэтнических отношений в ходе борьбы за защиту завоеваний революции, власти Советов и прежде всего решение вопроса о земле, то есть территориальный фактор выходил на передний план.

Не случайно обострение военно-политической обстановки на местах привело к необходимости принятия решительных мер.

Одним словом, проблемы военно-политического характера на некоторое время становилось приоритетным. В определенной мере все это воздействовало и на систему межэтнических отношений, бурно начатую работу по проблемам

образования (сворачивание работы над словарями национальных языков, программами по изданию прессы на родных языках, разработке программ просвещения и пр.).

Что касается вопроса о решении возникавших проблем в национальных отношениях, то центр начиная с 1918 г. не отличался особым напряжением, в частности и в отношении «русского вопроса». Так, в ходе кампании за образование русского казачьего территориального округа в составе Северо-Осетинской автономной области урегулированием обстановки вокруг возникшего вопроса занимался А.И. Микоян. Но на практике он постоянно стремился отгородиться от подобных проблем и отличался в этом отношении определенной непоследовательностью. «Для казаков национальный вопрос в горских областях решен», - констатировал он, выступая на 2-й партийной конференции 3-4 марта 1924 года [РГАСПИ. Ф. 65. Оп.1. Д. 2. Л. 55].

Правда, многие участники конференции на сей счет имели совершенно иное мнение. Например, В.М. Молотов, выступавший перед секретарями национальных партийных организаций тюркско-татарской группы в ЦК (2 января 1926 г.), констатировал: «Еще момент нужно отметить, который за последнее время выдвигается все больше, приобретает большое значение, чем раньше, это "русский вопрос"» [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 1056. Л. 33].

Технология принудительных переселений оказалась востребованной и в середине 1920-х годов при решении вопроса об межэтнических отношениях в таких регионах, как Адыгейская автономная область, Грузинская ССР (г. Тбилиси), Кабардино-Балкарская автономия.

Почему-то в российской историографии все процессы, связанные с принудительным переселением с территории Кабардино-Балкарской АССР, увязываются исключительно с балкарской этнической общностью, хотя это далеко не так. О репрессивных мерах, принимаемых со стороны органов государственной власти по отношению к этническим общностям на территории республики, было известно до переселения непосредственно балкарцев. И, несомненно, этот вопрос заслуживает особого внимания.

Балкарцам, как и представителям других этнических общностей в автономной области, были также известны принудительные переселения с территории Северного Кавказа, как и с территории автономной области, начиная с 1920-х годов.

Выступая 27 февраля 1924 г. на заседании Кабардинского областного комитета РКП(б), секретарь Северокавказского комитета РКП(б) А.И. Микоян, исходя из численного преимущества русских в органах власти, вопрошал у участников заседания: «Что за национальная политика!» И далее продолжал: «И вот, я дал задание проверить состав всех аппаратов (органов власти в национальных районах Северного Кавказа. - *Н.Б.*), кто тут сидит, а затем уж поговорим» [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 34. Л. 19]. И рекомендовал: «Мы уже в Москве, перед отъездом сюда (на Северный Кавказ. - *Н.Б.*) провели положение в план, чтобы безо всяких законов (!), а просто на основании явных признаков и приговоров обществ высылали бандитов (чиновников. - *Н.Б.*) в Архангельскую губернию. Я предлагаю Вам (кабардинским коммунистам. - *Н.Б.*) подобрать сотню "хороших" кабардинцев и ими же, без прокурора, их (чиновников. - *Н.Б.*) выслать» [РГАСПИ. Ф. 65. Оп. 1. Д. 2. Л. 10]. Практика предлагаемых приемов исполнения репрессивных мер, к сожалению, набирала все большие обороты. Однако это была открытая установка на произвол в решении судеб многих людей.

Путем принудительных переселений, проводившихся под разными лозунгами, решались и другие вопросы. Так, для урегулирования возникавших земельных претензий земельный кризис мог быть разрешен «лишь путем переселения части малоземельных и безземельных русских жителей за пределы автономии». В конечном счете так это и делалось, в том числе и на основе принятого Адыгейским областным исполкомом решения о переселении русского населения «за пределы Северного Кавказа ввиду его малоземелья».

Политика местных органов власти, базировавшаяся на идейных установках центра, формировала совершенно новое самосознание и национальное сознание горской массы. Среди черкесского населения в середине 1920-х годов, как замечала Т.П. Хлынина, получало большое распространение «настроение за выселение всех русских крестьян, живущих в Адыгее, за пределы области и переселение на их место черкесов из Турции» [37; 38, с. 201]. К сожалению, подобные ситуации имели место и в других национальных регионах Северного Кавказа. Конечно, природа их была различной, но все они выстраивались на основе освобождения земельных территорий и «потеснения» русских лей - казачества. Все это позволяет сделать вывод, что начало этнических переселений относится к первой половине 1920-х годов.

К 1930-м годам органы государственной власти накопили определенный опыт в применении такой социальной технологии, как принудительное переселение. Они уже могли исполнять ее в более широких масштабах. И такой случай представился. Как раз на 1930-е годы приходится организованная кампания по принудительному выселению кулачества.

В обзоре № 7 ОИИФ ОГПУ 12 сентября 1930 г. отмечалось, что постоянно перед такими акциями, в том числе состоявшейся, например, 1-25 августа 1930 г., выполнялась большая подготовительная работа. Осталось особенно сложным взаимодействие с железной дорогой, руководство которой позволяло отправку только одного эшелона в сутки, что не удовлетворяло запросы карающих органов власти.

С территории Северного Кавказа всего было отправлено 37,5 эшелонов с переселенцами. Следует отметить, что выселение кулацких хозяйств с территории русских селений казачье-крестьянских районов, входивших в состав национальных областей, не производилось, так как эти селения значились в списке сплошной коллективизации.

В первой половине октября 1930 г. началось выселение в Дивненский район 570 кулацких семей из следующих национальных областей: Чеченской автономной области - 98 семей, Адыгэ Черкесской автономной области - 200 семей, Кабардино-Балкарской - 181 семья, Осетинской и Ингушской автономных областей - 91 кулацкая семья. Как отмечалось в Обзоре политического состояния СССР (доклад полномочного представителя ОГПУ СКК и Дагестана - Пилара), «выселение прошло без каких бы то ни было заслуживающих внимания эксцессов» [39, с. 825]. Да и как-то оно не беспокоило ни местные органы власти, ни население.

С территории бывших казачьих войск необходимо было отправить в первой партии спецвыселенцев уже в феврале 1931 г. 20 тыс. человек, затем эта цифра была увеличена до 23 тыс. Заместитель председателя ОГПУ СССР Генрих Ягода через некоторое время признал, что в феврале можно направить из Северного Кавказа в спецссылку только 10 тыс. человек, признанных кулаками [9, с. 110].

Численность выселенцев в последующем заметно возрастала. Применительно к Северокавказскому краю в 1931 г. они составили 120 356 человек (20 809 семей) [ГА РФ. Ф. А-327. Оп. 28. Д. 4055. Л. 47]. А всего в 1931-1932 гг. было выселено 171 993 человека (38 404 семей). Из них 25 955 семей убыли на Урал, 12 409 - во внутренние районы европейской части РСФСР [5, с. 125].

По данным отдела спецпоселений ГУЛАГа ОГПУ («Сведения о выселении кулачества в 1930 - 1931 годах»), в принудительном порядке прерывалась их связь с местом своего исконного проживания (с отправкой на спецпоселение). В 1930-1931 гг. на спецпоселении были 381 026 семей (по другим данным, к концу 1932 г. на поселении значились 383 334 семьи) общей численностью 1 803 392 человека.

26 апреля 1935 г. один из руководителей ОГПУ М. Берман докладывал Г. Ягоде: «Доношу, что закончен прием в трудпоселках хозяйств, выселенных из национальных районов Северного Кавказа. Всего принято 4711 семей (22 496 чел.), в том числе в трудпоселении Северо-Кавказского края 3215 семей (14 661 чел.), в трудпоселки Узбекистана 841 семья (4560 человек). Происшествий при приеме не было» [14, с. 6].

Только с принятием Конституции СССР 5 декабря 1936 г. согласно ее Ст. 135 трудпоселенцы, включая и казаков, объявлялись полноправными гражданами.

На начало 1938 г. трудпоселенцы, занятые в народном хозяйстве Союза ССР, составили 353 912 человек. Это была поистине даровая рабочая сила.

Применение названной социальной технологии приобретало широкие масштабы с середины 1930-х годов уже к чисто национальным контингентам населения. Такие меры теперь были обусловлены другими причинами, в первую очередь международного плана. Нависший над Европой фашизм потребовал укрепления западных рубежей государства. Снова возникла проблема «неблагонадежности» отдельных групп населения. Эти территории подвергались зачистке. Такая акция коснулась немцев и поляков, проживавших на западных территориях, в пограничных зонах. В первую очередь подлежали принудительному поселению более 10 тыс. немцев и около 35 тыс. поляков.

На вторую половину 1930-х годов приходится принудительное переселение с территории Дальнего Востока таких этнических общностей, как китайцы, группы уссурийского казачества, а также курдов, иранцев с пограничных регионов Закавказья. Так, 8 октября 1938 г. на основе Постановления (№ 1084-269 «секретно») СНК СССР «О переселении иранцев из пограничных районов Азербайджанской ССР в Казахскую ССР» последовали на восток 2 тыс. семей (6 тыс. чел.) иранцев, оформивших советское гражданство [ГА РФ. Ф. 7523. Оп. 65. Д. 397. Л. 23].

Следующая акция подобного характера затронула советских корейцев. И здесь возникает ряд вопросов, которые обусловлены двойственным характером отношений к этническому сообществу в Российской империи и в условиях Советской республики.

В 1937 г. все корейское население общей численностью в 172 тыс. человек в два этапа переселялось с территории Дальнего Востока в Казахстан и республики Средней Азии. По разным причинам на ДВ оставались более 250 корейцев.

Многие из них несли службу в Красной Армии еще со времен Гражданской войны. Это считалось престижным делом. Служба в армии среди корейцев пользовалась успехом и признанием.

В период войны 1941-1945 гг. корейцы, как и другие этнические общности, для службы в армии по разным соображениям не призывались.

Изданная Наркоматом Обороны СССР директива «О сроках и порядке призыва в РККА в 1939 году» предусматривала отказ от призыва «социально-опасных призывников». Конечно, она распространялась на многие этнические общности. Не были исключением и советские корейцы.

Поэтому корейцы попадали в армию только на добровольной основе. Благодаря усилиям Д. Шина и В.В. Цоя удалось выявить более 350 корейцев - участников Великой Отечественной войны [35]. Сотни корейцев высказывали просьбу отправить их на фронт, и многие из них героически сражались с фашистами за свою Родину - Союз ССР. В их числе были летчики, танкисты, офицеры военных подразделений, врачи, музыканты и другие, кто с оружием в руках защищал свое Отечество. Это было истинное стремление сражаться за свою Родину. «Тысячи молодых корейцев, среди которых только что окончившие среднюю школу, - вспоминал М.Н. Хан, - подавали заявления в местные военкоматы с просьбой направить их на фронт. Но тоталитарный сталинский режим, питавший недоверие к корейскому населению, которое считал потенциальным пособником японского империализма, отказывал корейцам служить в рядах регулярной Красной (Советской) Армии» [34, с. 127].

Принудительное переселение 1937 г. оказало влияние на ослабление общественно-политической активности корейского сообщества, хотя корейцы по-прежнему отличались высоким уровнем патриотизма в годы Великой Отечественной войны, доверием своему Отечеству, которым для них стал Советский Союз.

Многие из корейцев в связи с такой ситуацией призывались для работы в действовавших в 1940-е годы трудовых колоннах. По имеющимся данным НКВД СССР, в колоннах корейцев было более 15 тыс. человек.

Численность *китайцев* на территории России не была постоянной величиной и во многом зависела от возможности приложения их труда. Если в 1915-1917 гг. в России было 200 - 300 тыс. китайцев, то на 1926 г. их насчитывалось более 80 тыс. человек. Китайцы по разным причинам прибывали в Советский Союз. Конечно, многие из них не получали возможности применения своих сил, покидали Дальний Восток и уезжали на запад СССР. Они были заняты главным образом в аграрной сфере, на рубке леса, в торговле, коммунальном хозяйстве, строительстве хозяйственных объектов, рыболовстве и других сферах экономики.

Отношения с китайцами были непростыми, что во многом объяснялось иным менталитетом, особенно по сравнению с представителями славянского населения - русскими, украинцами, в том числе и казаками. Особняком они выделялись по отношению к японцам, корейцам, составлявшим в этот период значительные в количественном отношении общности.

Находясь в России, китайцы принимали этот мир, в котором обустроивали свою жизнь, подчиняясь российским законам.

Известно, что между казачеством, корейцами, китайцами были установлены контакты как в сфере экономики, так и общественных отношений.

Выполняя мартовский 1939 г. приказ наркома Л. Берии, уточненный еще одной его директивой от 4 августа 1939 г. «Об очистке Приморского края», сотрудники Управления НКВД по Приморскому краю провели интенсивную работу по сбору материалов о наличии в крае «контрреволюционного и социально-чуждого элемента». По ее итогам были составлены списки принудительно выселявшихся.

Генерал-лейтенанта М. Гвишиани в докладе «О состоянии агентурно-оперативной работы УНКВД по Приморскому краю и Уссурийской области» на имя Л. Берии от 20 января 1939 г. сообщал: «В 1937-1938 годах Управлением НКВД по Приморскому краю и Уссурийской области было арестовано 15 435 человек [URL: zlobnik-v-2.livejournal.com/79174.html (дата обращения: 20.11.2015)].

Кроме того, содержались под стражей 860 китайцев, дела по которым в мае - июне 1938 г. были завершены и направлены в УНКВД по Дальневосточному краю, в Хабаровск».

Начатые в 1935-1936 гг. мероприятия по принудительному переселению советских немцев с территории северо-западных районов страны в начале 1940-х годов были продолжены. 22 июня 1941 г. о нападении Германии на Советский Союз и начале Великой Отечественной войны стало известно в Республике Немцев Поволжья. Накануне, 21 июня, в г. Энгельсе начал свою работу очередной 6-й пленум обкома ВКП(б) АССР Немцев Поволжья, завершивший свою работу 22 июня. По территории республики состоялись патриотические митинги, в которых приняли участие 270 тыс. человек. За два дня в военкоматы поступило 1060 заявлений о желании добровольно вступить в ряды защитников Родины, из них 315 - заявления от немцев [ЦДНИ. СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4495. Л. 189-193, 83 - 84].

В уборке урожая в июне - сентябре 1941 г. приняли участие около 40 тыс. горожан, жителей рабочих поселков и кантонных центров.

13 июля обком ВКП(б) принял решение о создании на территории АССР Немцев Поволжья отрядов народного ополчения. В народном ополчении АССР Немцев Поволжья на 15 августа 1941 г. состояло 11 193 человека, в том числе 2635 женщин [ЦДНИ. СО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 4807. Л. 13; Д. 4927. Л. 13, 8].

В ходе Великой Отечественной войны значительный отряд «русских немцев» сражался плечом к плечу вместе со всем советским народом. Только в первые дни объявленной войны, после 22 июня 1941 г., из всей почти полумиллионной республики на войну ушло 315 немцев, в большинстве своем коммунистов, на должности политработников.

В составе Красной Армии, по данным НКВД СССР (1949 г.), на фронтах сражались 1609 немцев-офицеров, 4282 человека, в сержантском составе, 27 724 человека рядового состава. Военнослужащие были выявлены при переучете спецпереселенцев, проходившем в 1949 г. [ГА РФ. Ф.-9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 98 - 99].

За первые два месяца войны 11 советских немцев были удостоены звания Героя Советского Союза. И хотя большинство из них к концу 1941 г. были уволены из РККА и отправлены к своим принудительно переселенным семьям, они успели вписать немало героических страниц в историю войны с фашистами. Отстаивая честь, свободу и независимость своей единственной советской Родины, красноармеец Генрих Гофман в августе 1941 г. попал в плен к фашистам. Выдержал нечеловеческие пытки. Родину не предал. Расстрелян. И этот пример не единственный.

Среди участников Великой Отечественной войны, награжденных орденами и медалями Советского Союза, немцы составили 18 752 человека [ГА РФ. Ф. Р. - 9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 8. Подлинник].

Выписка из протокола № 35 заседания Политбюро ЦК (Решение от 26.VIII.41 г.) содержала предписание - о переселении немцев из Республики Немцев Поволжья, Саратовской и Сталинградской областей.

(Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б)).

«Совет Народных Комиссаров Союза ССР и ЦК ВКП(б) постановляют:

1. Переселить всех *немцев* из Республики Немцев Поволжья и из Саратовской и Сталинградской областей общей численностью 479 841 человек в следующие края и области: Красноярский край - 75 000 человек, Алтайский край - 95 000, Омская область - 85 000; Новосибирская область - 100 000 чел., Казахская ССР - 125 000 человек, в том числе: Семипалатинская область - 18 000 человек, Акмолинская область - 25 000 чел., Северо-Казахстанская обл. - 25 000 чел, Кустанайская область - 20 000 человек, Павлодарская область - 20 000 чел., Восточно-Казахстанская обл. - 17 000 человек».

Переселению подлежали все без исключения немцы, как жители городов, так и сельских местностей, в том числе члены ВКП(б) и ВЛКСМ.

28 августа 1941 г. в Указе Президиума Верховного Совета СССР «О переселении немцев, проживающих в районах Поволжья» в отношении больших групп немцев - советских граждан были выдвинуты обвинения в активной помощи и пособничестве немецко-фашистским захватчикам.

К переселению приступили 3 сентября 1941 г. и закончили его 20 сентября 1941 г. Казахстан ожидал пополнения своего населения советскими немцами.

Как отмечалось, значительная часть принудительно переселенных немцев и тех, которые проживали на территориях с неподлежавшими переселению, создавали трудовую армию.

Методы формирования армий труда определяли и соответствующую им форму режима проживания трудармейцев, не многим отличавшуюся от гулаговской или от условий проживания спецпереселенцев. Более того, в последующем многие из батальонов, бригад, колонн были переведены в статус «спецпереселенцы». Формирование их протекало исключительно в принудительном порядке, душило всяческую инициативу и патриотизм.

Что касается рабочих армий в 1940-е годы, то эта тема продолжительное время находилась под строгим запретом. В той или иной мере ее затрагивали публицисты. Историк В.Н. Земсков сообщал о таком факте, что в 1945 - 1948 гг. дополнительно на спецпоселение еще поступило 120 192 немца (в основном репатрианты из Германии и Австрии). Численность советских немцев в трудовых колоннах возрастала и составила в целом более 300 тыс. человек. Внутреннее психологическое состояние немца-трудармейца было угнетающим, наносившим ущерб его мироощущению, формированию мировоззрения в экстремальной обстановке и т.д. [8; 37].

30 октября 1941 г. последовало распоряжение СНК Союза ССР № 57-К «О расселении лиц немецкой национальности из промышленных районов в сельскохозяйственные». После его появления стало очевидно, что заниматься распределением рабочей силы из советских немцев будут высшие государственные органы власти. Распоряжение напрямую касалось тех немцев, кому удалось устроиться на работу в городах, областных центрах и промышленных районах.

Немцам приходилось поневоле переквалифицироваться и в рыбаков, когда возникла проблема с обеспечением рыбных промыслов на севере страны рабочей силой. По этому поводу было принято еще 6 января 1942 г. специальное постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» (№ 197), вышедшее за подписью заместителя председателя СНК СССР В. Молотова и управляющего делами СНК СССР Я. Чадаева.

Предполагалось, что для реализации этой государственной задачи НКВД СССР будут переброшены на рыбные промыслы 66 763 человека, в числе которых значились и немцы (спецпереселенцы и трудармейцы), и калмыки, и финны, и латыши, и представители многих других народов. Конечно, руководство этими мерами возлагалось на краевые и областные комитеты ВКП(б), Управления НКВД по краям и областям. Постепенно намеченные планы реализовывались на практике, хотя эта мера прибавляла много работы комиссарам управлений НКВД Гоглидзе (Хабаровский край), Красноярского края и другим.

Именно советские немцы-спецпереселенцы совместно с незначительной частью представителей других репрессированных граждан были создателями рыбной промышленной зоны на Таймыре, куда была доставлена летом 1942 г. первая группа поселенцев - 105 человек. Затем эта группа была пополнена новыми партиями поселенцев в составе 200 и 135 человек.

Как отмечается в документах, спецпереселенцы поначалу выполняли производственные задания, однако по истечении времени уловы заметно сокращались. Годовой план рыбной добычи специально создаваемого «Таймыррыбтреста» исчислялся в 60-65 тыс. центнеров рыбы ежегодно.

Бывшие спецпереселенцы Лев Петри и Виктория Петри в своей книге «Немцы Таймыра» воссоздали несколько интересных по своему содержанию образов немцев, находившихся на спецпоселении в этом суровом краю.

Притом эти образы не относятся к каким-то руководящим должностям. Здесь и продавец магазина Мина Александровна Вальтер, сумевшая переломить скучную рутинную жизнь и превратить свой магазин в участок культурно-просветительской работы, здесь и простые рыбаки и рыбачки, освоившие не по своей воле чисто мужскую профессию: Елена Шефер, Ян Берзиньш, Виктор Швиндт, Эрн Швиндт, Амалия Швиндт, Ева Гамме, Ида Клейн, Валерия Швиндт, Элла Гаммер, Ирма Грош, Генрих Финк и многие другие, те, кто своим трудом приумножали богатства Родины, ковали победу над врагом.

Многие наркоматы (особенно Наркомат Строительства СССР, Наркомлес СССР и Главвоенпромстрой при СНК СССР) не изъявляли желания передавать немцев с целью формирования рабочих колонн, ссылаясь на «недостаток рабочей силы». В это время были заняты на предприятиях черной металлургии 2030 немцев, Наркомата по строительству - 4858 чел., Наркомлеса СССР - 7409 чел., Главвоенпромстрой при СНК СССР - 1698 чел., Наркомата цветной металлургии СССР - 1806 человек [8].

Особенно объемными по своему масштабу были запросы Наркомугля. На основе принятого постановления ГКО № 3960сс от 19 августа предполагалось направить в угольную промышленность 7 тыс. немцев и немок. Они изымались из Казахской ССР, Алтайского и Красноярского краев, Омской, Новосибирской и Кемеровской областей в соответствии и с более ранними постановлениями

ГКО № 1123 от 10 января 1942 г. и № 2383 от 7 октября 1942 г. [ЦХСД. Ф. 3. Оп. 58. Д. 178. Л. 108].

В конце октября 1942 г. появилось и постановление СНК Союза ССР и ЦК ВКП(б) № 1732 «О развитии прибрежного лова рыбы в Белом и Баренцевом морях», «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке». В связи с этим заместитель наркома внутренних дел Союза ССР Василий Чернышев замечал, что «для этих целей предполагалось направить новые контингенты спецпереселенцев». В их числе были названы в первую очередь немцы, отправлявшиеся на Лену, Яну, в районы Колымы, а также северной части озера Байкал. Этот контингент насчитывал 41 тыс. человек. Широко использовался труд немцев в угольной промышленности. 19 августа 1943 г. ГКО определил юридическую сторону мер в постановлении (№ 3960) «О направлении спецпереселенцев в угольную промышленность».

Только в Тульской области весной 1944 г. трудились около 10 тыс. немцев [ГА РФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 38. Л. 54]. Из них мобилизованных было 9772 человека. Численность немцев, занятых в угольной промышленности, заметно возросла в связи с принятием в июле 1945 г. нового постановления ГКО (№ 9526) о мобилизации спецпереселенцев в угольную промышленность. Советские немцы несли непосильную вахту также на угольных шахтах в Чкаловской, Кемеровской, Карагандинской и других областях. Они трудились и на Кузнецком металлургическом комбинате Министерства строительства предприятий тяжелой индустрии СССР (Горная Шория).

Мобилизованный контингент немцев направлялся и в отрасли по добыче редких металлов. Например, в золотодобывающей промышленности Якутии трудились по мобилизации более 4 тыс. немцев.

В 1944 г. немцы-шахтеры провели сбор средств на строительство танковой колонны «Смерть немецким фашистам!». За короткое время ими было собрано 15 млн рублей. Заместитель начальника комбината «Московуголь» Нутельс сообщал в одном из докладов, что «рабочие-немцы получили от И. Сталина пять телеграмм с благодарностью за самоотверженный труд».

На март 1948 г. на спецпоселении в Московской области находилось 6807 человек, из них немцев - 5520, из Крыма - 1287 человек. В Московской области трудились 767 семей (5681 человек), из них мобилизованных немцев было 698 семей (4954 человек). Они были заняты и на предприятиях Министерства строительства топливных предприятий СССР [ГА РФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 38. Л. 56]. На предприятиях угольной промышленности находились 767 немецких семей (5681 чел.), мобилизованных немцев - 689 семей (4954 человека), крымских татар - 78 семей (727 человек) [ГА РФ. Ф. Р.-9401. Оп. 1. Д. 38. Л. 58].

Уже в феврале 1942 г. в Коми автономной области находились 1082 немца, в марте - 1358 человек призывного возраста. В октябре 1942 г. благодаря проведенной в очередной раз мобилизации на территории области оказалось около 2 тыс. мобилизованных немцев. Были созданы в срочном порядке 29 взводов на 7 участках леспромхозов [30, с. 51-52].

На начало 1951 г. этот контингент возрос до 4524 человек, а на январь 1953 г. в области уже было 12 141 немец, из них 10 331 - репатрианты, 1776 - высланные, 153 - мобилизованные и 81 местный немец [30, с. 51-52].

В Коми АССР к началу 1960-х годов было 19 805 немцев. Они были представлены во многих отраслях народного хозяйства, в первую очередь в лесной промышленности.

Наряду с этим трудмобилизованные прибывали в 1942 г. на Дальний Восток по указанию НКВД СССР. Так, на основании постановлений ГКО № 3857 от 2 августа и № 3960 от 19 августа прибывшие из Казахстана 2300 человек направлялись на строительство объекта № 500 (Дальний Восток), 8500 человек - в угольную промышленность (рудоуправление, золотодобыча, лесное хозяйство, добыча редких металлов, ремонт сельхозмашин и т.д.) [ГА РФ. Ф. Р.-9479. Оп. 1. Д. 579. Л. 285].

В 1942 - 1945 гг. на территории Хабаровской края было 823 мобилизованных немца, в Приморском крае - 917. Из их состава формировалась и рабочая колонна Умалытлаг НКВД СССР.

Если предпринять попытку проследить динамику трудового использования в СССР по всем контингентам спецпереселенцев, то можно заметить, что к концу 1948 г. трудились в сельском хозяйстве 1 014 270 чел., в том числе: в совхозах - 72 170 чел., в угольной промышленности - 180 405 чел., в металлургической - 33 309 чел., в золотодобывающей и на других предприятиях и стройках МВД СССР - 96 619 чел., в нефтяной - 20 911 чел., пищевой и вкусовой - 19 670 чел., на железнодорожном строительстве Министерства путей сообщения - 18 895 чел., в рыбной промышленности - 15 903 чел., в машиностроении - 14 320 чел., в промышленности стройматериалов - 7634 чел, в химической - 400 чел., в других отраслях народного хозяйства - 752 812 человек [ГА РФ. Ф. Р. -9401. Оп. 1. Д. 579. Л. 28]. По данным НКВД СССР, только из немцев-спецпереселенцев использовались на различных работах 213 755 семей (695 955 чел.), из них мужчин - 100 764, женщин - 267 157, детей: до 16 лет - 328 084, трудоспособных - 296 694; мобилизованных немцев было занято 113 341 человек: мужчин - 61 259, женщин - 59 082 [ГА РФ. Ф. Р. -9479. Оп. 1. Д. 257 Л. 107].

12 октября 1943 г. появился Указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/36, спустя два дня - постановление СНК СССР №1118-342 «совершенно секретно» под названием «Вопросы НКВД СССР» о выселении национальностей из Карачаевской автономии. Вместо предполагавшихся к переселению в Киргизскую ССР 22 900 карачаевцев туда направлялись в 10 районов 26 432 человека, остальные - в Казахскую ССР, куда к январю 1944 г. было заселено 12 342 семьи карачаевцев (45 тыс. чел.), из них в Южно-Казахстанской обл. - 6643 семьи (25 216 чел.), в Джамбульской обл. - 5669 семей (20 285 человек) [41, с. 119].

С учетом проживавших граждан-карачаевцев в других городах, в том числе и Москве, было выселено чуть более 70 тыс. человек.

По данным Председателя Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР И. Серова, на середину 1950-х годов в названных республиках оставалось карачаевцев и членов их семей в Казахской ССР - около 21 тыс. чел., в Киргизии - 16 тыс., в других республиках, краях и областях - 500 человек. Они были заняты на промышленных предприятиях, в колхозах и совхозах [ГА РФ. Ф. Р. -9401. Оп. 2. Д. 480. Л. 106 - 107].

На основании Указа Президиума Верховного Совета и постановлением СНК СССР от 28 октября 1943 г. НКВД СССР занялся осуществлением операции по переселению лиц калмыцкой национальности, главным образом в регио-

ны РСФСР и частично Казахской АССР. Переселенцы направлялись в Новосибирскую, Омскую области, Красноярский край, национальные округа Севера.

28-29 декабря 1943 г. на территории автономии проводилась операция «Улусы». В конечном итоге калмыки оказались в Алтайском крае - 6606 семей (20 858 чел.), в Красноярском крае - 6649 семей (21 614 чел.), в Новосибирской обл. - 6659 семей (18 333 чел.), в Омской области - 7954 семьи (24 325 человек). Эти данные не были окончательными. В последующем продолжалось прибытие групп калмыков. На начало февраля 1944 г. калмыки были рассредоточены и по другим областям, частично также в Казахской ССР - 648 семей (2268 чел.), в Ямало-Ненецком НО - 2769 семей (8548 чел.), в Хаты-Мансийском - 1760 семей (5961 человек) и по другим регионам [6].

Самыми существенными проблемами и для калмыков оставались жилье, организация питания, отсутствие работы. Из колхоза Рубцовского района сообщалось: «Колхоз никакой помощи оказать не может, так как в нашем колхозе своих 18 колхозников сидят без продуктов...».

Контингент калмыков пополнялся и за счет калмыков, принудительно переселенных из Сталинградской области; калмыков, мобилизованных из рядов Красной Армии (5943 офицера, 20 209 сержантов, 130 691 человек рядового состава); калмыков, выселяемых из Москвы, и других.

Начиная с 1945 г. 185 семей (538 чел.) калмыков прибыли на поселение в пос. Муйнак в Аральском районе Казахской ССР. Тяжелые условия расселения, нехватка продовольствия приводили к возрастанию смертности, которая колебалась от 0,4 до 20 %. Калмыки трудились в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях, в рыбной промышленности, лесоразработках.

На местах изыскивались возможности улучшения положения калмыков. В Красноярском крае в 1944 г. калмыкам было выдано муки 535 т, крупы - 160 т, картофеля - 535 т. Постановлением СНК СССР от 29 мая 1944 г. им же было направлено 459 т зерна, 5702 голов крупного рогатого скота. Трем тысячам калмыков для обустройства жилья предоставлено 3 тыс. м³ круглого леса.

Принимались меры по созданию условий для обеспечения питания детскому населению. Эти же меры проводились и в других регионах расселения калмыков - в Омской, Новосибирской областях. В частности, Ференц Надь в своих воспоминаниях писал: «Как относились к переселенцам-калмыкам? Я могу говорить только о рабочем поселке Исиль-Куль. Какой-либо вражды, чтобы кто-то упрекал, издевался, презирал - не помню. Оказывали посильную помощь топливом, продуктами, особенно жалели детей...» [27].

И в этой сложной обстановке военного времени калмыки мужественно переносили все невзгоды. Даже глава спецотдела НКВД СССР М. Кузнецов признавал: «Многие из калмыков, несмотря на переселение и связанные с этим переживания и трудности, сохранили патриотические чувства...». Калмыки-спецпереселенцы, работавшие на рыбных промыслах в Шурышкарском районе Ямало-Ненецкого округа, выполняли дневные нормы на 130%. В Ишимском районе Омской области трудились 12 стахановцев.

Высоких показателей в работе достигли и спецпереселенцы-калмыки, занятые на слюдяной фабрике в Якутской АССР: 23 рабочих из калмыков выполняли норму выработки на 180%.

В 1944 г. из Кабардино-Балкарской АССР было выселено в Казахстан и Киргизию 37 400 чел. (3330 семей) балкарцев, по другим данным - более 40 тыс. человек [РГАСПИ. Ф. 644. Оп. 1. Д. 215. Л. 119; Оп. 2. Д. 291. Л. 127-130].

К середине 1950-х годов на спецпоселении в 54 районах и городах 11 областей Казахстана и Киргизии проживали 30 446 чел. (7990 семей) балкарцев, из них в Казахской ССР - 16 912 чел. (4332 семьи) и в Киргизской ССР - 13 534 человека (3603 семьи) [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118].

Балкарское население к этому времени было трудоустроено и в Казахской, и в Киргизской ССР. Из 19 000 трудоспособных были заняты в народном хозяйстве 12 700 человек. Основная масса балкарского населения работала в сельском хозяйстве. В колхозах, совхозах и МТС трудились 9300 чел. (73%); в промышленности - 1960 чел. (15%); в различных организациях и учреждениях - 1595 человек (12%) от общего количества работающих. В официальных партийных документах, СМИ республик отмечалось, что «местные руководители и население (казахи, киргизы. - Н.Б.) очень хорошо отзываются о балкарцах, как о трудолюбивом и добросовестном народе. Многие балкарцы, особенно работающие в животноводстве, имеют высокие производственные показатели».

На новых местах жительства балкарцы обустроили хозяйство. Из многочисленных бесед с ними, с руководителями колхозов, партийными и советскими работниками, а также путем ознакомления были сделаны выводы, что «балкарцы живут не хуже местного населения, а некоторые лучше. Благодаря своей добросовестной работе они, как правило, хорошо зарабатывают, получают значительное количество денег, хлеба и других продуктов на трудодни. Подавляющее большинство балкарских семей построили себе дома, имеют приусадебные участки, крупный рогатый скот, овец, коз, птицу. Так, из 6148 балкарских семей, проживающих в сельской местности, 4900 построили себе дома, а часть работающих в совхозах и МТС живут в ведомственных квартирах; 4657 семей имели коров. Многие обзавелись ценными вещами - мотоциклами, велосипедами, швейными машинами» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 114-118].

Несомненно, противоправные акции, предпринимавшиеся со стороны государства, которые были направлены на стабилизацию обстановки в глубоком тылу, в прифронтной полосе, пограничных зонах, обосновывались необходимостью, чисто государственными интересами, исходя как из состояния военно-политической обстановки, так и мировой ситуации. Но одновременно подобные действия как раз и привели «к дезорганизации в системе сформировавшихся отношений в государстве накануне войны, определенной потере управления национальными процессами, потере инициативы в государстве, возникновению нервозности и страха».

Демобилизовавшиеся фронтовики по этому поводу выражали явное недоумение, испытывая определенную ущемленность своих прав, пренебрежение их гражданским долгом, который они с достоинством исполняли. Так, балкарец, студент Алма-Атинского пединститута С.К. Абаев писал В.М. Молотову: «Суровые испытания Великой Отечественной войны я выдержал с честью (в сентябре 1941 г. он был призван в Красную Армию), так же, как и миллионы советских людей, служил и боролся с врагами (около 5 лет), после окончания войны я не знаю, за что я несу это половинчатое, компрометирующее меня наказание» [4, с. 172].

И эти деяния вершились в тех условиях, когда часть представителей репрессированных граждан отчаянно сражались на фронтах Великой Отечественной войны 1941-1945 гг., не помышляя о тех непредвиденных наказаниях, которые терпели их родные в тылу.

В 1944 г. из районов Северного Кавказа было выселено чеченцев и ингушей 105 676 семей (496 460 человек), в том числе в Казахскую ССР - 85 063 семьи (410 955 чел.), в Киргизскую ССР - 20 613 семей (85 505 человек) [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

В середине 1950-х годов, после первого возвращения в места прежнего обитания, чеченцы и ингуши оставались еще в 204 сельских районах и городах 14 областей Казахстана и 4 областей Киргизии. По республикам они были расселены следующим образом:

Наименование республик	Чеченцев		Ингушей		Всего		% к общему населению республики
	семей	населения	семей	населения	семей	населения	
Казахская ССР	52 943	237 813	17 183	77 112	70 126	314 925	3,7
Киргизская ССР	19 033	75 873	695	3915	19 728	79 788	4,2
Итого:	71 976	313 686	17 878	81 027	89 854	394 713	3,9

Источник: РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник.

Вследствие плохих жилищно-бытовых и материальных условий в первые годы проживания чеченцев и ингушей в Казахстане и Киргизии отмечалась высокая смертность и низкая рождаемость. За четыре года (с 1944 по 1947 г.) родилось 15,7 тыс. человек, а умерло 93,5 тыс. человек.

В последующее время, начиная с 1948 г., рождаемость стала превышать смертность. Так, в 1953 г. родилось 16,6 тыс. человек, умерло 6 тыс. человек. В середине 1950-х годов смертность среди бывших спецпоселенцев была такой же, как и среди местных жителей, а рождаемость - даже несколько выше [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

Основная масса чечено-ингушского населения была трудоустроена. Из 244 тыс. взрослых (от 16 лет и старше) принимали участие в общественно-полезном труде 155 тыс. чел. (63,55%), в том числе были заняты в промышленности 38,3 тыс. чел., в сельском хозяйстве - 91;6 тыс. чел. (из них 7,5 тыс. чел. - механизаторов), в различных организациях и учреждениях - 25 тыс. человек.

На ряде предприятий, в некоторых колхозах чеченцы и ингуши составляли значительный удельный вес среди имевшихся рабочих и колхозников. В Карагандинской области, например, на шахте № 42-43 чеченцев и ингушей работало 260 чел. (37% от общего количества работающих); на шахте № 12 - 250 чел. (24%), в г. Темир-Тау на металлургическом заводе - 465 чел. (15%). Всего в промышленности Карагандинской области их было занято свыше 3 тыс. человек [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

Во Фрунзенской области Киргизской ССР в колхозе «Серп и Молот» чеченцы и ингуши составляли 67% от общего числа колхозников, в колхозе «Красный восток» - 48%. Всего в колхозах Киргизской ССР работало 16,7 тыс. чеченцев и ингушей (5,5% к наличию всех трудоспособных); в совхозах - 2,3 тыс. (9,7%), в МТС - 587 (2,1%); в промышленности - 5,5 тыс. (6,9% к общему количеству работающих) [РГАНИ. Ф.5. Оп. 31. Д. 56. Л. 119-127. Подлинник].

В большинстве своем «чеченцы и ингуши относились к труду добросовестно». Многие из них стали кадровыми рабочими, приобрели новые специальности - забойщиков, бурильщиков, машинистов угольных комбайнов, слесарей, токарей, трактористов, шоферов и др.

«Государственный Комитет Обороны товарищу Сталину И.В.

4 июля 1944 г.

НКВД СССР докладывал, что выселение из Крыма чечен - крымских татар, болгар, греков, армян закончено. Всего было выселено 225 009 чел., в том числе татар - 183 155 чел., болгар - 12 422, греков - 15 040, армян - 9621, немцев - 1119, а также иноподданных - 3652.

Все татары к местам расселения прибыли и расселены в областях Узбекской ССР - 151 604 человек. В областях РСФСР согласно постановлению ГКО от 21 мая 1944 г. - 31 551 человек.

Болгары, греки, армяне и немцы в количестве 38 802 человека находятся в пути в Башкирскую АССР, Марийскую АССР, Кемеровскую, Молотовскую, Свердловскую, Кировскую области и Гурьевскую область Казахской ССР Л. Берия» [ГА РФ. Ф.Р. -9401. Оп. 2. Д. 65. Л. 275].

Тем не менее обобщающие данные о крымских татарах были озвучены несколько позднее, а именно на заседания Крымского бюро ВКП(б) от 14 октября 1944 г. В протоколе № 59 читаем: «Большая работа проведена по спецпереселенцам. В мае 1944 г. выселено татар - 194 111 человек, и в начале уборки урожая выселено болгар, греков и армян - 36 349 человек» [11, с. 119].

Одним словом, численность населения республики сократилась на 230 460 человек. Вряд ли было справедливым наказывать весь народ. Ведь все сторонники нового режима были на учете.

В период 1945-1946 гг. было взято на учет спецпоселенцев и вернувшихся с фронтов крымских татар: 524 офицера, 1392 сержанта и 7079 чел. рядового состава. И это не включая тех, кто еще продолжал службу в армии или демобилизовался вдали от мест спецпоселения. По данным А. Велнева, насчитывалось 900 офицеров из крымских татар с точным указанием места рождения. В их числе два генерала, 60 полковников и офицеров других воинских званий.

По сведениям о численности взрослых переселенцев, на начало 1953 г. греков числилось на спецпереселении 40 590 человек. В 1955 г. на режиме спецпоселений оставались 10 368 греков, переселенных из Крымской АССР в 1944 г.

До 1796 г. на территории Крыма было всего 600 армян. К началу XX в. численность армян возросла до 8 тыс. человек (1,6%). После окончания Первой мировой войны и массового притока беженцев численность армян стабилизировалась на уровне 12 тыс. чел., в 1934 г. - 14 тыс. чел. (1,7%), в 1939 г. - 13,9 тыс. чел. (1,1%). 28 июля 1944 г. завершилось принудительное переселение их с территории Крыма. Их контингент составил 9621 чел., по другим данным - 9189 человек. В это время несли службу из крымских армян 19 офицеров, 70 сержантов,

485 солдат. На 1953 г. на спецпоселении находились 8570 граждан армянской национальности [1, с. 38-39].

27 марта 1956 г. ограничение по спецпоселению с армян было снято. Однако им не разрешалось вернуться в Крымскую область. В 2001 г. в Крыму насчитывалось 8700 армян.

На 10 июля 1944 г. были также учтены 6357 крымских караимов. Как отмечалось, выселению они подверглись лишь частично. По данным В.Н. Земскова, на март 1949 г. на спецпоселении было 170 караимов [13, с. 223]. Караимы были оставлены в Крыму, составляя органичную часть его населения [1, с. 38-39]

Последовали в места, столь отдаленные, с территории Крыма в 1942 г. итальянцы, проживавшие в районе г. Керчь. Они частично переселялись в 1942 и 1944 гг. За пять месяцев (по май 1942 г.) из Керчи, главным образом с территории итальянцев (колхоз им. Сакко и Ванцетти), были выселены около 700 человек, включая членов семей.

Принудительному переселению подлежали также местные граждане турецкой национальности, 51 венгр, незначительная часть караимов (170 чел.), 1109 цыган, 427 немцев, 272 турка, 257 украинцев, 283 представителя других национальностей. Одним словом, еще более 2 тыс. человек покинули Крымскую АССР.

В целях улучшения условий охраны государственной границы Грузинской ССР были переселены в ноябре 1944 г. в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР все проживавшие в Грузии *курды, хемшилы и турки-мехетинцы* - граждане СССР.

С момента выселения все эти лица вместе с семьями находились на спецпоселении под административным надзором органов МВД. По состоянию на январь 1956 г., на учете спецпоселения их состояло 188 454 чел., в том числе: крымских татар - 117 052, турок - граждан СССР - 45 995, балкарцев - 19 907, курдов - 4755, хемшилов - 745 человек.

Преобладающее большинство из них было трудоустроено в колхозах и совхозах Казахской, Узбекской, Киргизской и Таджикской республик, а также на предприятиях министерств путей сообщения, цветной металлургии, угольной, лесной и местной промышленности.

За время пребывания на спецпоселении крымские татары, балкарцы, турки - граждане СССР, курды и хемшилы, работая в сельском хозяйстве, на промышленных предприятиях и стройках, приобрели трудовую квалификацию. Многие из них хозяйственно обосновались в местах нового жительства, имели собственные дома, приусадебные участки или проживали в коммунальных квартирах местных Советов.

В общей сложности в итоге принудительного переселения в столь отдаленных местах начиная с середины 1930-х годов оказалось около 3,5 млн граждан Союза ССР. Их необходимо было устроить в местах нового расселения, решить проблему трудовой занятости, то есть трудоустройства, обеспечить продовольствием, организовать обучение детей переселенцев. Одним словом, решить сложный комплекс социальных проблем, порожденных проводимыми мерами со стороны органов государственной власти.

В этой обстановке необходимо было учитывать тот фактор, что подобные контингенты населения направлялись не только в обжитые регионы с проживавшим там населением, с созданными коммуникациями для обитания, но в

большинстве случаев и на совершенно необжитые территории. Учитывая то, каким образом протекал процесс переселения с западноевропейской территории страны, Дальнего Востока, отсутствие возможности взять с собой хотя бы все необходимое, а также спонтанный характер самой акции, осуществляемой путем выполнения приказа, трудностей и неразберихи в этом плане было более чем достаточно.

Исследование проблемы как раз показывает, что в большинстве случаев никто переселенцев особо не ждал, не готовилось ни жилье, ни другие условия для них. Многие прибывшие высаживались просто в поле, зачастую в полуразрушенных хозяйственных постройках (фермы, заброшенные полевые станы, хозблоки, старые здания, клубы, школы, непригодные для проживания). Применялась форма размещения прибывших на территорию республики в жилые заброшенные дома и путем подселения.

В связи с этим возникал еще и чисто психологический фактор совместимости, адаптации к местным условиям, интеграции в социум в новой обстановке.

В этом случае следует обратить внимание и на такие факторы, как принадлежность к национальности, вероисповедание, язык, традиции, обычаи, уровень самосознания и национального сознания, которые проявлялись в повседневности в отношениях. На эти стороны бытия в исторической литературе пока мало обращается внимания, за редким случаем приводятся лишь отдельные примеры. Тем не менее, учет их в повседневности проживания этнических общностей приобретал особое значение и отражался на уровне изначального продвижения репрессированных граждан в любых регионах страны.

В настоящем повествовании автор обращает внимание на состояние названной проблемы в большей мере применительно к Казахской ССР. Эта республика как бы открывала дверь не только на свою территорию, но и в другие среднеазиатские республики. Проводилось переселение и в Узбекистан, и в Таджикистан, и в Киргизию. Хотя составляющие отношений были характерными для всех регионов страны, но уровень их зависел и от менталитета, уровня самосознания местного населения, и от экономического положения. В статье предпринята попытка проследить, каким образом выстраивались отношения между спецпереселенцами и местным населением, выявить тенденцию в этой сфере, дать оценку обстановки.

Начиная с конца 1935 г. и в 1936-1937 гг. 45 тыс. немцев и поляков оказались в Казахстане. Переселение немцев и поляков в ту пору проводилось в основном с территории Житомирской области. Это были очередные «посланцы», начиная с середины 1930-х. Об этом и свидетельствуют воспоминания многих из них. Так, *Викентий Мартынович Баумбах*, немец, принудительно переселявшийся вместе родителями из Ворошиловградской области (Украина), рассказывает: прибыли они в Чкаловский район (был образован в 1936 г.). В поселке уже были поляки, поступившие сюда в 1936 г.

Общий язык - украинский, не русский. В основном же все были с Украины. Поляки также с Украины. Здесь уже были отмечены и смешанные браки: украинцы с поляками. Некоторые семьи казахов даже общались на украинском языке.

Но не всегда расселение было совместным с уже проживавшими полякам или немцами. *Думанская Леонтина Вауловна*, переселявшаяся из села под г. Жи-

томиром в 1936 г., оказалась в г. Кокчетау, на станции Таинча, а далее в Чкаловском районе. Прибывшим семьям было трудно. Как сами они вспоминают, «спасали люди добрые. Знаете, когда нас привезли, мы же дети, много голодных. Обращались к местным жителям за помощью. Некоторые сами приходили - казахи, и нам приносили лепешки, хлеб не пекли раньше, лепешки. Нам всегда помогали. Благодарны им, потому что мы помирали бы. Неизвестно, что было бы, если б не казахи. Нас спасали. В общем, очень нам помогали» [26, с. 483].

Конечно, ситуация в местах расселения переселенцев заметно изменилась после войны по мере обустройства и трудовой занятости. Зарплата первое время бала мизерной. В связи с этим Леонтина подчеркивает, что «каждый тогда в деревне жил, немножко свое что-то сеял, выращивал, в общем, тут жили так, не роскошно, вволю хлеба не ели, но не голодовали».

Бунакова (Сосинская) Мария Францевна, полька, также переселялась из Житомирской обл. (Украина) в 1937 г. Ее родители были расселены в пос. Марьяновка [26, с. 497]. Прибыли они в Казахстан, в Акмолинскую область. В итоге Мария констатировала: «Человек привыкает к месту. Уже, вот если я родилась в Казахстане, никогда не была на Украине, то, как я могу ехать туда. Если мой дом здесь. Я здесь родилась, мои дети здесь родились. Здесь окончила школу, институт, работаю. Естественно, все мне здесь родное» [29, с. 501].

Мария не может забыть и тех трудных времен, которые пришлось пережить ее родителям, отношения, которые проявляли к ее семье. Они «были нормальными, дружескими. Люди понимали, что прибывшие высланные, находятся в таком положении тяжелом, они как могли, так помогали».

«Проживали здесь же немцы и поляки совместно с коренным населением». На вопрос «Изменилось ли отношение местного населения к переселенцам?» был ответ: «Отношение не менялось, на протяжении скольких лет они жили, после реабилитации были нормальными. Люди жили дружно, были одной семьей. Занимались выращиванием хлеба».

Вавровская Мария Вячеславовна, полька, принудительно переселенная в 1936 г. из хут. Лабунский Полонского района, Подольской области (Украина) в Таинча Кокчетавской области Казахской ССР свидетельствует, что условия для расселения были удручающими. Переселенцы сообщали в Центр о повышенной смертности детей. «Выстроенные землянки не успели высохнуть, они все сырые. Старики и дети умирают». В ответ была оказана помощь.

Эти события происходили в Зеленом Гае, где как раз и расселялись частично поляки и немцы. Немцы также прибывали с названных территорий Украины [26, с. 511].

Выручало в такой ситуации, конечно же, местное население. Вавровские были благодарны местному жителю казаху Сулейменову, который оказывал их семье помощь - привозил камыш, солому для топки. Для матери с пятью детьми это была заметная помощь.

Полька *Белявская Деонизия Павловна* (Житомирская обл.) также оказалась на переселении в 1936 г. Их группу расселили в Талдыкорган Казахской ССР, а затем в сел. Ейтай. Кто из коренных жил в деревне, имели свои дома. Совет провел с местными жителями переговоры. Семья Белявской (шестеро детей) была приглашена на жительство русской семьей. «Надо сказать, что народ в Казахстане доброжелательный. Сами принимали, сами приглашали, как кто мог. Кто большую семью, кто меньшую. Вот мы и жили».

На вопрос «А как вы считаете, благодаря чему вы выжили вот в таких сложных условиях?» Дионизия Павловна ответила: «Вы знаете, выжить выжили, ну, и, наверное, Господь помогал. Наверное, основное - это труд. Они (ее родители. - *Н.Б.*) ведь все истинные "трудяги". Несмотря на свой возраст, родители трудились на земле, для них это родное занятие, приносящее благо. Благодаря этому детей всех своих подняли и воспитали. Основное, вот, конечно же, *труд, труд, усилие*» (Международный проект «Память во имя будущего») [26, с. 554].

Исследование вопроса позволяет сделать вывод, что в условиях мощного притока переселенцев, который наблюдался в Казахской ССР, казахи выдержали прочный экзамен. Нет отзывов, где не звучала бы благодарность казахскому народу, который в то время делил свою судьбу с представителями всех народов, прибывавших на территорию республики со статусом «спецпереселенец», а ими были корейцы, турки-месхетинцы, курды, калмыки и карачаевцы, народы Поволжья, Северного Кавказа и Закавказья, Крымской АССР и др.

И казахи уже в самом начале проявляли чувство солидарности и дружбы, делились последним куском хлеба. Да и сами видели, кто и как относится к труду, выстраивает отношения со своими соседями.

Преподаватель кафедры философии Казахского государственного университета *П. Пак-Ир* оставил свои заметки «Новая жизнь - новые запросы», направленные им 9 мая 1955 г. в редакцию газеты «Правда». Их автор ратовал за необходимость поднятия уровня культуры корейцев, проживавших на казахской земле. Пак-Ир в названных заметках анализировал недостатки в сфере культурно-просветительной работы среди колхозников-корейцев, проживавших в Казахской ССР [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 17. Д. 547. Л. 39-49. Подлинник].

Казахи сразу выделили главную черту менталитета корейцев - их трудолюбие. И, следует заметить, не ошиблись в этом. Корейцы с Дальнего Востока пользовались доверием народов, с которыми они проживали в Казахстане, Узбекистане, других регионах Советского Союза. Корейцы самоотверженно трудились в народном хозяйстве, во многих сферах экономики, проявляя подлинный патриотизм. Известны примеры поистине героического труда талантливого организатора сельхозпроизводства, дважды Героя соцтруда Ким Пен Хва и др.

Более того, они были положительно воспринимаемы и в других регионах СССР. Позднее (февраль 1952 г.) начальник Переселенческого отдела при Ставропольском крайисполкоме, направляя отчет на имя начальника Переселенческого управления при Совете Министров РСФСР В.В. Волочкова, сообщал о благополучном ходе задуманной идеи. Конечно, этот документ для исследователя представляет интерес, он раскрывает одну из малоизвестных страниц истории российских корейцев, переселившихся на территорию Ставропольского края в 1951 г.

За короткое время в Невинномысском районе были хозяйственно обустроены 198 граждан корейской национальности, прибывшие из республик Средней Азии. Они и здесь стали полноправными членами таких колхозных хозяйств, как колхоз им. В.И. Ленина и колхоз «Чонгар». Конечно, ожидало приезд корейцев и местное население. Колхоз им. В.И. Ленина принял 172 корейца, а колхоз «Чонгар» - 26.

Спустя некоторое время, эти преобразования приносили и заметные результаты труда. Они позволяли прежде всего увеличить оплату труда членов сельхозартели. Корейцы отличались особым трудолюбием, что отражалось как в расширении производственной базы хозяйств, так и на улучшенной динамике

доходов самих колхозников. Хозяйства становились рентабельными. Об этом свидетельствуют и сохранившиеся в архивах сведения «сухой» статистики. Увеличение посевных площадей наблюдалось год от года. По колхозу им. В.И. Ленина они составили в 1949 - 1951 годах: в 1949 г. - 1483 га, в 1950 г. - 1580 га, в 1951 г. - 1850 га. Улучшалась материальная база колхозных хозяйств. Несомненно, на успехах сказывались и опыт корейцев как организаторов сельскохозяйственного производства, и трудовая дисциплина, и законопослушание.

Беседуя с *Беккаевым Исмаилом Чапановичем* (балкарец), проживавшем в Казахстане (Алмаатинская обл., село Шамалган), корреспондент пыталась выяснить развитие отношений в ту пору между представителями этнических общностей. Исмаил в ответ констатировал: «Комендант приходил, проверял. Комендант тоже хороший, уважал я его, русский парень. Один казах тоже был комендант, тоже хороший парень...». В Чемолгане жили немцы, корейцы, турки, казахи, балкарцы. И здесь как бы «не было заметных разделений (по национальностям. - Н.Б.). И, действительно, жили все в мире [26, с. 29-32, 35].

У нас соседи были корейцы, один был управляющий, такой хороший мужик...». И тут корреспондент сама заявляет в беседе: «Я же кореянка, корейцы же тоже были депортированы. И я разговаривала с азербайджанцами, с корейцами, вот, благодаря все-таки казахскому народу выжили мы ... Просто у каждого своя история» [26, с. 29-32, 35].

Пак Иван Тимофеевич, кореец, 80 лет. Был переселен с Дальнего Востока в 1937 г. На открытом грузовике от Гурьева на расстоянии 45 км их доставили до с. Сарайчик - столицу Малого жуза, которая заселена была в основном русскими. И. Пак был подселен в русскую семью. Пак замечает: «Нам было там неплохо, потому что очень были хозяева добрые, они нас жалели, что нас переселили, называли нас переселенцами-корейцами, давали нам кушать то, что у них есть. Мы очень дружно жили с этой семьей [26].

Более того, и колхоз многое давал, когда еще было очень тяжело, только начали трудиться, жизнь пошла...» [26, с. 157].

У корейцев и казахи также пользовались популярностью. Судя по всему, «казахским» корейцам, наверное, повезло. «Все-таки, мы же не зря говорим "казахская гостеприимность", это не отнимешь у казахов, казахская гостеприимность в целом, все-таки, менталитет казахов - это гостеприимность. Культура, да. Вот это сыграло, все-таки, тоже большую роль, - заключает Иван Пак. - Чтобы нам, здесь быстрее адаптироваться в совершенно других условиях».

И далее Иван Пак приходит к интересному заключению: «Вот возьмите Узбекистан и Казахстан, вот число корейцев в Узбекистане почти в два раза больше, чем в Казахстане. Почему? Ученых, с учеными степенями и званиями, у них в два раза меньше, чем у нас? Вот показатели еще. Понимаете, да?»

И не случайно то, что менталитет «узбекских» и «казахских» корейцев очень сильно разнится. Казахи по своему характеру все-таки отличаются простодушием. Они всегда готовы делиться, так сказать, тем, что есть. У узбеков же нет такого отличия. Более того, в Казахстане сосредоточена значительная часть корейской интеллигенции. Несомненно, это «связано с Дальневосточным Корейским институтом, это первый очаг, газетой - очаг, а также театр, тоже интеллектуальный очаг, вот эти три составляющие...» [26, с. 168].

В ответ на вопрос о встречающейся реплике, что якобы «Казахстан обязан нести ответственность за принудительное переселение», И. Пак полагает: «Казахстан не должен отвечать. К Казахстану мы только должны относиться с бла-

годарностью. К Казахстану никаких претензий у нас (корейцев. - *Н.Б.*) не должно быть [26, с. 168].

Казахстан не виноват. Казахстан вместе с нами пострадал, правильно?»

Вывод принудительно переселенного гражданина И. Пака сводился к тому, что «в этой ситуации важным фактором оставался их собственный труд и отношение к труду» [26, с. 170].

О совместном проживании народов на территории Казахской ССР поведал и кореец *Ким Рафаил Николаевич*. Он переселялся из Приморского края, села Синельниково, в 1937 г. И группа корейцев расселялась совместно в Таинче. В округе Таинча была известна тем, что сюда еще с царских времен переселялись украинцы. Это были не украинцы, прибывавшие в советское время. Здесь проживало в основном украинское население.

Что касается отношений с местным населением, то они «были нормальными ... никаких притеснений не было. Никаких косых взглядов, все было нормально ... По-видимому, народ привык к этому, знает не понаслышке ... То есть проблемы общения с казаками не было? Казахи всегда мирно сосуществовали, наоборот, с ними легче было общаться, чем с европейцами ... и в школе, и везде» [26, с. 191]. «У корейцев отношения с местным населением были очень добрыми. Сказывалась на этом и совместная работа на ферме. Кореянки - доярками, казахи - пастухами. Они каждую весну, в марте, уходили на пастбища...» [26, с. 270].

Подобные сведения передал и переселенец *Ким Моисей Юнович*. Он был также принудительно переселен из Ольгинского района Приморского края в 1937 г.

В основу выстраивания отношений с местным населением был положен принцип уважительного отношения. И им строго руководствовались принудительно переселенные советские немцы. *Краутер Нелли Александровна*, немка, переселялась в 1941 г. из села Ольгино Запорожской области

Ее группа переселенцев прибыла на станцию Шортанды Акмолинской области в конце ноября, когда в Казахстане уже наступили холода. Надо было и обустроиться с жильем, и найти работу. Местные граждане располагали в хозяйстве множеством овец. Нелли Александровна брала у них подряд - вязала носки, получая тем самым вознаграждение за свою работу: то молоко, то пару картофелин. Вот таким образом и «выходили из этой ситуации» [26, с. 287].

Рейтенбах Виктор Фридрихович, немец, переселялся в 1941 г. из города Ханлара Азербайджанской ССР. Прибыли они семьей на станцию Колутон Акмолинской области. А уже потом были доставлены в село Жанатурмыс, где располагался колхоз «Жанатурмыс». И Виктор Фридрихович утверждал, что, таким образом, им очень повезло в этом колхозе. Они быстро адаптировались к местным условиям. «Благодаря помощи, которую оказывало местное население, всем, чем могли, а самое главное - питанием, мы же приехали без какого бы то ни было питания, нам удалось выжить. Помогали и мы им потом в работе, по хозяйству. Прошли и добротную жизненную школу. Помощь нам оказали и одеждой. Научили, каким образом надо шить из кожи - овчинки, теплые сапоги. Такая помощь была своевременной. Большое спасибо тем, кто оказывал нам бескорыстную помощь. Иначе в ту пору мало бы кто выжил».

Было также и после переезда семьи в *Журавку*, где проживали в основном переселенные немцы с Поволжья, белорусы, украинцы, молдаване, поляки, че-

ченцы и др., в целом же представители 17 наций. В хозяйстве трудились и много казахов. Работало целое отделение чабанов.

Следует отметить, что немцы и сами старались много работать. При этом они очень качественно выполняли свою работу, относились к ней со всей ответственностью, как правило, старались быть в рабочем коллективе, не навязывая своих идей, не вмешиваясь в чужие обычаи, не нарушая выработанных поколениями традиций. Они всегда помнили ту помощь, которую оказывало им местное население.

На спецпоселение был направлен со своей матерью из хутора Александровский (назывался в ту пору немецким селом Александр Гейн) Запорожской области и *Ауман Владимир Андреевич*. Они были расселены в Федоровский район, село Банновка Кустанайской области (Казахская ССР).

По прибытии в процессе размещения они (9 детей, мать и бабушка) были подселены к женщине по фамилии Горковенко. У нее же было двое своих детей, но и дом большой. Муж воевал на фронте. Это трудно было представить: насильно немцев вселили в дом (!), хозяин которого воевал на фронте. «Но хозяйка приняла нас, она не выгнала, она делилась не только своим жильем, но и чем могла. Затем по доносу была привлечена к ответственности в судебном порядке. Семья Ауман с оставшимися ее детьми жили вместе. «Они 10 лет мою мать называли мамой», - констатировал в своих воспоминаниях Владимир Андреевич [26, с. 318].

Бепле Марта Григорьевна, немка, прибыла на место переселения из Азербайджанской ССР в 1941 г. На разных видах транспорта группа переселенцев 7 ноября прибыли в Лебяжье, а после перебрались в Бескарагай - совхоз. Несколько семей оставались там, а остальные отправились в Подпуск. Там сразу же занимались обустройством с преодолением всевозможных трудностей. Правда, делали все самостоятельно.

Гальстер Римма Кондратьевна, немка, была доставлена эшелонами в 1942 г. из с. Красногорское Симферопольского района Крымской области. Они проживали в Марьяновке Шкербактовского района. Там же проживали русские и казахи. «Ну, конечно, встретили нас сначала неважно. Затем была поддержка», - вспоминает Римма Кондратьевна. В Шкербакты с обустройством повезло. Жили в собственном доме. Ни к кому не подсеялись. «Здесь нас встретили хорошо» [26, с. 423], немцев в непростых условиях периода Великой Отечественной войны. Однако эти немцы с достоинством исполняли свой гражданский долг как на фронте, так и в тылу, взяв на себя решение такой задачи, как создание условий для обеспечения безопасности государства.

Работая в Центре документации новейшей истории Краснодарского края (г. Краснодар) с документами о деятельности районных партийных организаций в послевоенный период, в частности справками, информационными заметками секретарей райкомов ВКП(б) о восстановлении и развитии сельского хозяйства в колхозах края за 1947 год, автору настоящей статьи удалось обнаружить интересные документы, проливающие свет и на волнующий вопрос.

В данном случае речь пойдет о проживании немцев на территории Крыловского района. Каким было отношение местного и партийного, и советского аппарата власти, как и населения, дает ответ докладная записка секретаря Крыловского райкома РКП(б) Г. Симоняка, направлявшаяся на имя секретаря крайкома ВКП(б) В. Зинченко 12 февраля 1947 г. Думается, она отличается объективностью по своему содержанию. Казалось бы, фактически переселение немцев

из района произошло шесть лет тому назад, и можно было бы в водовороте тех бурных событий все забыть.

Однако о немцах помнили, помнили об их работе в Розентальской МТС, обслуживавшей одновременно несколько колхозов района. Сложилась ситуация, когда дело в колхозах на продолжительное время разладилось. Ранее немцы занимали земельные площади и обрабатывали их. Теперь же ощущалась острая потребность не только в рабочей силе, но и в решении вопроса, каким образом распределять оставшиеся необработанными земельные массивы в колхозах прежнего проживания советских немцев.

Секретарь райкома Г. Симоняк неоднократно вспоминал немцев, проживавших в Крыловском районе. В качестве выхода из затруднительной ситуации ничего другого предложить не смогли, кроме как «поставить вопрос перед Правительством СССР о передаче этой земли в Госфонд» [26].

Типичным было положение и на территории многих других регионов страны с проживавшими там советскими немцами. Так, в Коми АССР на 1 июля 1949 г. на учете состояло 27 538 спецпоселенцев, в том числе 7714 власовцев, 10 756 немцев, 3092 оуновца, 6021 бывший кулак, 553 литовца.

Значительная часть спецпереселенцев, несмотря на тяжелые условия труда, за высокие показатели в работе неоднократно в 1940-х - первой половине 1950-х годов награждались правительственными наградами и почетными грамотами. Так, например, в Челябинской области около 20% работающих в промышленности советских немцев являлись передовиками производства. Только в Алма-Атинской, Павлодарской и Акмолинской областях Казахской ССР из числа спецпоселенцев-немцев за высокие производственные показатели было награждено за отмеченный период 835 человек; 556 человек являлись участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. По тем временам это была высокая поощрительная награда.

Всего было расселено 1 204 678 немцев. Из них: в Казахской ССР - 462 694; Таджикской ССР - 28 943; Киргизской ССР - 16 894; Узбекской ССР - 8584; в РСФСР - 733 149, в том числе: в Коми АССР - 20 780; Красноярском крае - 66 430; Архангельской обл. - 13 029; Кемеровской обл. - 66 615; Молотовской обл. - 52 939; Новосибирской обл. - 80 020; Омской обл. - 43 620; Свердловской обл. - 54 247; Томской обл. - 26 641; Тюменской обл. - 28 863; Челябинской обл. - 48 322 [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 139]. Преобладающее большинство немцев - уроженцы местностей, откуда выселение не производилось, на учет спецпоселений не состояли. Так, в Омской области из 46 386 немцев на учет было взято 1142 человека, в Алтайском крае из 17 567 человек - 1130, а в Чкаловской области из 14 300 - всего 399 человек и т.д. [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 8. Д. 136. Л. 2-3. Копия].

По распоряжению СНК СССР после войны были направлены на спецпоселение 208 462 репатриированных немца, и в 1948 г. МВД СССР были взяты на учет как спецпоселенцы 159 906 немцев - местных жителей Дальнего Востока, Сибири, Урала, Казахстана и других районов. Таким образом, всего находилось на поселениях в 1940-1950-е годы вместе с детьми 1 225 005 немцев [АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 182. Л. 17-24. Подлинник]. Согласно «Справке о количестве выселенцев и спецпоселенцев, первоначально переселенных на спецпоселение, о количестве выселенных и спецпоселенцев, прошедших переучет в 1949 г.», немцев на спецпоселении находилось 1 024 722 чел., прошли переучет 1 069 041

человек. В числе переселенных немцев 210 600 чел. репатриированных, взятых на учет в 1945 г. [ГА РФ. Ф. - 9479. Оп. 1. Д.436. Л. 19-20. Подлинник].

Из общего числа спецпоселенцев-немцев было занято на работе в различных отраслях народного хозяйства 562 тыс. человек. Из них: в сельском хозяйстве трудились 300 тыс. человек., в угольной промышленности - 65 тыс. человек, в строительных организациях - 40 тыс. чел., в лесной промышленности - 35 тыс. человек, в местной промышленности - 29 тыс. человек, в металлургической промышленности - 21 тыс. человек, в нефтяной промышленности - 15 тыс. человек, на предприятиях и в учреждениях Министерства путей сообщения - 9 тыс. человек., в бумажной и деревообрабатывающей промышленности - 8 тыс. человек, на предприятиях других министерств и ведомств - 60 тыс. человек.

В Кокчетавской области шесть колхозов, которые в основном состояли из спецпоселенцев-немцев, были миллионерами. В Павлодарской области таких колхозов насчитывается более десяти. В Кемеровской области за высокие производственные показатели в угольной и металлургической промышленности было награждено орденами и медалями Советского Союза 166 спецпоселенцев-немцев, в сельском хозяйстве – 37 человек. В Новосибирской области за высокие показатели в работе награждались орденами и медалями Советского Союза 160 человек и 223 человека являлись участниками Всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

В совхозах, колхозах, МТС и леспромхозах спецпоселенцы-немцы, как правило, были заняты в ведущих профессиях, которые они приобрели за время пребывания на спецпоселении. В Новосибирской области работали председателями колхозов, бригадирами, агрономами, прорабами и мастерами 293 немца, трактористами и комбайнерами - 2231. В Молотовской области из числа спецпоселенцев-немцев 4290 человек работали инженерами, механиками, мастерами, технологами, 593 человека - врачами, агрономами, зоотехниками и преподавателями.

Подавляющее большинство спецпоселенцев-немцев в местах поселения находились более 10 лет. За это время они, будучи трудоустроены в сельском хозяйстве и промышленности, прочно обосновывались в местах нового жительства, имели собственные дома, скот и приусадебные участки.

Из 62 835 спецпоселенцев-немцев, расселенных на территории Алтайского края, более 50% приобрели собственные дома. В Красноярском крае свыше 50% спецпоселенцев-немцев были заняты в сельском хозяйстве, из них большинство имело собственные дома с надворными постройками и приусадебными участками, в Манском районе этого края из 330 семей спецпоселенцев-немцев 179 семей проживали в собственных домах, 230 семей имели крупный и мелкий рогатый скот. В Больше-Муртинском районе, где было расселено 426 семей немцев, 261 семья проживала в собственных домах, спецпоселенцы-немцы имели 316 коров, 496 коз, 269 свиней и домашнюю птицу.

В Новосибирской области на территории 23 районов, где было расселено подавляющее большинство немцев, в собственных домах проживали 19 520 человек, в коммунальных и ведомственных домах - 17 923 человека.

Согласно Справке о находящихся на спецпоселении лицах немецкой национальности на территории Томской области, в 1948 г. всех спецпоселенцев было 21 694. В 1951 г. из всех 64 290 спецпоселенцев в области немцев было 24 964 человека, в июле 1954 г. находилось на спецпоселении 15 978 немцев [ГА РФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 435. Л. 54-56, 75-76 и др.].

«Из общего числа проживающих в Туркменской ССР немцев трудоспособных было 1435 человек, а из них занято в промышленных предприятиях республики 731 человек и в сельском хозяйстве - 446 человек.

Граждане немецкой национальности были расселены и на территории Туркменской ССР в следующих регионах:

Ашхабадская область - всего 1653 человека, из них проживали непосредственно в гор. Ашхабаде - 188 человек. В районах области: в поселке рахс - 374 человека, в г. Красноводске - 437 человек, в г. Небит-Даге - 464 человека, в поселке Вышка (район Небит-Дага) - 60 человек;

Марийская область - всего 940 советских немцев, в т.ч. в районе и городе Байрам-Али - 514 человек, в Колотанском районе - 151 человек, в Туркмен-Калинском районе - 109 человек, в Ташаузской области находились 52 немца и Чарджоуской области - 20 советских немцев.

Прибывших немцев в республику после окончания Великой Отечественной войны насчитывалось 267 человек», - докладывал секретарь ЦК КП Туркменистана С. Бабаев [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 213-215. Подлинник].

Полагаю, что также ценно обратиться и к вопросу о формировании отношений карачаевцев с местным населением тех регионов, на территории которых им пришлось обитать более 13 лет. Важную роль в жизни карачаевцев играла сфера общения как с теми, кто на таких же основаниях принудительным порядком был переселен в республики Средней Азии и Казахстан, так и с местным населением особенно. Об этом повествуют сами карачаевцы - непосредственные участники этих событий.

Отношение к переселенцам в республиках оценивал позднее коммунист М. Гаджаев в своем обращении (1956 г.) в Президиум ЦК КПСС о необходимости восстановления конституционных прав карачаевского народа. По этому поводу он констатировал: «Карачаевцы, как трудолюбивые колхозники и как прекрасные скотоводы, пришлось, как говорят, ко двору некоторым руководителям нацкомпартий этих республик, и они не прочь были "кое-что" из пережитков культа личности в вопросе о "спецпоселенцах" сохранить, смягчив только их формулировку» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Основная масса населения на этот период была трудоустроена в колхозах, совхозах, МТС и в промышленности республик. Из 34,1 тыс. человек взрослого населения 23,5 тыс. было занято в сельском хозяйстве, 600 чел. - в промышленности и 5,7 тыс. работали в различных учреждениях и организациях. Остальные 4,3 тыс. не работали. К ним относятся многодетные матери, престарелые, инвалиды и некоторая часть трудоспособной интеллигенции, проживающая главным образом в городах. Как сообщалось в обзоре ситуации, «к общественному труду подавляющее большинство карачаевцев относится вполне добросовестно. Местное население, партийно-советский актив и хозяйственные руководители положительно отзываются об их работе и поведении».

За высокие показатели в труде многие карачаевцы были отмечены правительственными наградами и поощрениями, являлись участниками Всесоюзной и республиканской сельскохозяйственных выставок. Некоторые из передовиков-карачаевцев - бригадир тракторной бригады Чуйской МТС Джамбульской области Балаев Богодур, звеньевая свекловичница колхоза «Бельбасар» этой же области Мамедова Джамим и другие - удостоены высокого звания Героя Социалистического Труда [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Коркиазов Иосиф Магомедович, карачаевец, переселен из поселка Канджага Карачаево-Черкесской автономии. В 1943 г. был расселен с другими карачаевцами в сел. Кардай Джамбулской области.

Об отношениях в многонациональной семье Казахстана сообщает: «Мы все живем дружно, аким района у нас - казах, зам. акима - русский, главный архитектор - кореец, в милиции у нас все национальности трудятся, в больнице главный врач - азербайджанец, аким округа - чеченец, я - карачаевец - бизнесмен. Мы все живем, трудимся, дай Аллах так и дальше жить. В радости и в горе мы вместе с казахским народом» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Узденов Ахмат Халимович, карачаевец. В 1943 г. также переселялся из села Учкулан Карачаево-Черкесской автономной области.

Сперва отца, бабушку и Ахмата с младшим братом доставили в Бишкек, а после - в с. Чайкурук. Распределили группами по колхозам и совхозам. Как отмечает с неуверенностью Ахмат Халимович, брат Маленкова руководил сельсоветом.

«Поначалу мы знакомились с округой. Мы понимали, что говорят, язык наш был схож. Встретили нас настороженно... Подходить, не подходить... Первый день смотрели так... А потом последовало предложение от местного жителя - пасти баранов. На третий день мы уже были в работе. По весне и коров, и барашек пасли» [РГАНИ. Ф. 5. Оп. 31. Д. 56. Л. 104-111. Подлинник].

Спустя некоторое время семья переехала в Гродеково. Отец находился в Дунгановке, где устроился на работу инспектором. Он был грамотным специалистом. Первое время, конечно же, семье было трудно, но в ту пору всем ведь было трудно. «Но мы к этому привыкли», - заметил Ахмат.

После окончания курсов по тракторному делу Ахмат Халимович работал трактористом на выделенном ему участке размером в 130 га, выполнял весь цикл полевых работ, выращивал свеклу.

Семья (жена, шестеро детей, уже все взрослые), несмотря на трудности того времени, старались преодолевать все неудобства. Добрыми были отношения и с соседями-казахами, никаких ссор, полное взаимопонимание. «...они - золотые люди, - констатировал Ахмат Халимович. - Мы нашли с ними общий язык, ладили во всем, живем и в согласии, и в мире. Вот чеченцы не всегда поступали порядочно...»

Наверное, чтобы нормально жить, как это положено в обществе, надо трудиться, и твой труд, как говорят в народе, воздастся. Вот, и «мы работали, несмотря ни на что, шел снег, дождь, град, работали с утра и до позднего времени, не останавливаясь...».

Балкарец Беккаев Исмаил Чапанович переселялся из Нальчика в марте 1944 г. в возрасте 15 лет совместно с младшим братом в село Шамалган Алма-Атинской области. По приезде непросто было. Мать потеряли во время переезда. Затем ребят приняла казашка, которая жила со своей внучкой в собственном доме. В хозяйстве у нее были также две коровы. Ребята помогали по уходу за ними, были обеспечены молоком. Часто были у других соседей на праздниках, где могли пообедать. «Бог видит, хорошая женщина» [29, с. 34].

Население было главным образом турки, чеченцы, но балкарцы в большем количестве.

Затем ребята были переправлены в с. Чемолган, туда, где «был толковый управляющий». Там жили немцы, корейцы, турки, казахи, балкарцы. Жили все мирно, действительно, в мире.

В Госстрое, где пришлось трудиться, были в большинстве русские, они всем руководили. Здесь деньги не платили. Поэтому Чемолган был более удобным для проживания.

Конечно, в колхозе проще. Имелась лучшая возможность с питанием и особенно осенью во время урожая.

Месиров Хаджимурат Даутович, балкарец, со своими отцом и матерью также прибыли из Кабардино-Балкарии в конце марта 1944 г. Первой их станцией была Чалдала в Жамбылской области. Местные жители встретили их с благожелательностью. Помогли сразу же с питанием и в последующем поддерживали как можно. «Есть литр молока - нам половину. Булка хлеба есть - половину нам дают. Тогда муки не было. Лепешки - нам половину. Душевно встретили нас. И жили мы дружно». Спустя некоторое время и свадьбы пошли. И свадьбы совместные пошли между балкарцами и казахами. Жили мирно, очень мирно жили», - вспоминал Исмаил Беккаев [26, с. 43].

Кулиев Радес Хаджи-Мусаевич, балкарец. Прибыл на поселение также из Кабардино-Балкарии (г. Нальчик) в марте 1944 г. Очередная группа была направлена в Кенбулу. Там расселялись украинцы, русские, поляки, немцы. Прожили в селе два года, до 1947 г. Затем проживали в с. Новопокровка, в которой было очень много немцев.

Одна половина улицы была заселена немцами, вторая - балкарцами.

Наша семья в Кенбулу состояла из пяти человек, моему брату было 5 лет. Отец сражался на фронте. Семью поселили в русский дом, хозяин дома был на фронте, у хозяйки - трое детей. А потом, через некоторое время, Беккаевым предоставили помещение в бывшей кузне, без окон, земляной пол, крыша покрыта камышом. Они жили с бабушкой. Тяжко было этой семье...

Возник вопрос, как можно было им выжить? Их трудолюбие явилось спасением. Они выполняли разные сельхозработы. Дети также привлекались к труду в колхозе «Кызылту» («Красное Знамя»). Многие люди сочувственно относились к переселенцам. Их было гораздо больше.

Но была и другая категория людей, которые отличались агрессивностью в отношении переселенцев. Судя по всему, была проведена предварительная обработка населения в идеологическом плане: «К вам привезут врагов народа, которые немцам помогали».

Однако эта агитация не делала погоды. В основном местное население, как могло, так и помогало. В летне-осенний период становилось относительно полегче. В Чуйской долине летом и осенью можно было прокормиться с огорода. В семье трудилась мать, будучи медиком по профессии (фельдшер). «Только, только поэтому мы выжили, - констатирует Исмаил Чапанович, - а в целом у нас была очень сложная ситуация».

Жамангозова Люба Асхаткызы, балкарка, принудительно выселенная из Кабардино-Балкарской АССР в 1944 г. в возрасте 14-16 лет. Они с братом попали в Алма-Ату. Далее были направлены в совхоз № 5 Октябрьского района. Учеба была приостановлена и принято решение идти работать. В совхозе Люба Асхаткызы занималась выращиванием овощей: помидоры, огурцы, виноград, собирали яблоки. А брат трудился извозчиком. Одновременно искали родственников. Пришлось отправиться в Щербакты, где и разыскали свою родственницу.

И далее Люба Асхаткызы замечает: «Я очень горжусь, что мы попали в Казахстан, те, кто были расселены в Кыргызстан, Узбекистан, они мучительно это переживали, а мы благодарны казахам. Здесь можно вспоминать о своей исторической родине, Казахстан для нас - вторая родина, здесь выросли, состарились, дети стали взрослыми в нашем светлом Казахстане» [29, с. 54].

По-разному выстраивались отношения между чеченцами и ингушами (конечно, не «виповскими»), с местным населением, в процессе общения с представителями других этнических общностей, претерпевших притеснения со стороны органов власти. На эту проблему обратили внимание и исследователи истории пребывания чеченцев и ингушей в Казахской ССР Ж.А. Ермекбаев и С.Ш. Казиев. Ими даны как общая оценки ситуации, так и применительно к разным регионам [44; 21, с. 337, 394; 15, с. 198-207].

С.Ш. Казиев отмечает, что, к сожалению, такие органичные понятия, как «надежное партнерство», «сотрудничество (соработничество)», «доверие» применительно ко многим этническим общностям, еще слабо изучены наукой, но постепенно обретают истинную реальность. С.Ш. Казиев предпринял попытку продемонстрировать это именно посредством такого социального понятия, как *доверие*. Ученым предстоит многое сделать, чтобы дать ответы на пока еще существующие вопросы сложного периода в истории страны.

Как известно, *межэтническое доверие* - это часть социального доверия. Учеными, представляющими в исследованиях не только психологические установки населения, но и основной социальный ресурс многонационального сообщества, *доверие* рассматривается как средство более глубокой консолидации и сплоченности общества. Оно сочетается со строгим учетом таких норм, как поведение в обществе, отношение к этнической общности и на индивидуальном уровне отношение к труду. Это остается пока в числе важных составляющих нашего многонационального сообщества в государстве.

В определенной мере ответ на этот вопрос применительно к чеченцам представляет исследователь С.Ш. Казиев. Сравнивая положение этнических общностей в условиях принудительного переселения, их отношение к каждой из них, он замечает следующее: «Вайнахи сознательно самоисключали себя из местного полиэтничного сообщества, *отвергая путь завоевания доверия у местных жителей, как это сделали немцы, корейцы, турки*» [как этой позиции придерживались и курды-езиды. - Н.Б.].

И далее С. Казиев отмечает, что «в противостоянии с властью и окружающими народами вайнахи выработали гибкие коллективные стратегии поведения. В чем их суть? Ими предполагалось временное подчинение сложившимся обстоятельствам; умелое использование и подкуп местных руководителей, сотрудников правоохранительных органов в своих целях; насилие и притеснения в отношении более слабых соседей; сотрудничество и подчеркивание своего религиозного единства с более сильными соседями» [21, с. 198-207].

Каким же было в условиях принудительного переселения отношение чеченцев и ингушей к местному населению в повседневности? Эту сторону жизни частично раскрывает содержание их воспоминаний об том периоде жизни.

Докаев Ахмед Алиевич, ингуш, *Тимурзаев Мурад Хакяшевич*, чеченец. Были переселены из села Аккиик Чечено-Ингушской АССР в 1944 г.

15-20 семей чеченцев и ингушей прибыли ночью на станцию Колутон. В общем, все были раздетые. Встретил их мороз и буран. Сразу же была ощутимой проведенная на месте агитпропаганда, настроенная против чеченцев и ингу-

шей. - Изменники! «Тем не менее, - вспоминал Ахмед Алиевич Дакаев, - благодаря местному народу, благодаря мягкости его характера, они ощутили совсем иное. И мы остались живы, благодаря им. Они приняли нас».

Действительно, всех переселенцев приняли в свой дом. Потом, летом уже, совместно создавали условия: кто землянку копал, чтобы теплее было, а кто достраивал дом, Там, где были стены, привели все в должный порядок, сделали укрытия. Повезло переселенцам, как сами вспоминают, с председателем колхоза - русский, демобилизованный по причине увечья. Решал многие хозяйственные вопросы.

Местное население жило не очень богато. И жители приняли прибывших, поделились куском хлеба. Две зимы прожили там, в Колутоне. Постоянно были заняты: летом на посевной, на сенокосе, на уборке, получая за этот труд скудное пропитание.

Внимательными были к нашим нуждам переселенцев и учителя, «хорошо относились. Не обижали наших детей и с сочувствием относились к ним. "Эти люди обиженные", - говорили учителя» [26, с. 81-85].

Население состояло главным образом из казахов (проживали в юртах, землянках), поляков, немцев. Русские - в г. Акмолинске. По приезде ожидавшие их казахи разбирали семьи и уводили в свои землянки. Иногда расселялись приезжие и в конюшне, где для этого были устроены загоны. Цель одна - не оставить людей на улице.

Тимурзиев Ахмет Исмаилович, ингуш, вместе с родителями прибыл из сел. Базоркино Чечено-Ингушской АССР в феврале 1944 г. Расселялись в селе Алексеевка Темиртауского района Акмолинской области.

Был по-своему обеспокоен враждебно настроенным отношением к переселенцам сел. Алексеевки: «У нас были строго свои. ... На нас смотрели все как на волков... Работы нет, ничего нет. Воровали, понимаете. Кто не воровал, тот уходил в мир иной... Мой отец был врожденный интеллигент, он выступал против всего этого».

Что же было опорой для выхода из такой ситуации? «А спасало нас в такой обстановке в первую очередь - это вера, надежда». Жили очень дружно, помогая друг другу, делились последним куском хлеба. Так по-братски жили и жили», - замечал Ахмет Тимурзиев [26, с. 98].

Дзауров Иса Аббасович, ингуш, прибыл с родителями из г. Владикавказа на станцию Жалтыр. Это было, наверное, 9 марта. Казахи ждали. Потом увозили за 70 км на санях в село Камышенка Новочеркасского района Акмолинской области. Сразу же ощущалось отсутствие теплой одежды.

После сбора зерна и выполнения плана выдали по 3 кг зерна. И снова работа: сначала бороновали, а потом вспашка. Чуть свет - подъем, работали до окончания светового дня и обедали. До 1948 г. зимой-летом находились на полевом стане.

«Недалеко располагался поселок, в котором проживали казахи. Мы их навещали. Очень помогали нам. Казахи к нам относились дружелюбно. Мы подходили к р. Ишим, а они уже ждали нас. И так до 1947 года. Я не уходил от полевого стана далее чем за 20 км. Зимой и летом никто так старательно не работал, как я и мой отец», - вспоминает Исса Аббасович.

Как и в других районах республики, жители Камышенки также дружили с местными мусульманами. Имели своих друзей из казахов и в г. Караганда.

Конечно, на бытовом уровне имели место в пределах рынка и случаи выражения недовольства. Один из казахов своим покупателям из чеченцев заявлял: «Это наша земля, уезжайте отсюда...». Но в целом же отношения были нормальные. И в школе, где учились дети чеченцев, и в институтах, и по-соседски. «Казах, если барана зарежет, то половину соседям из переселенцев отдавал, а половину - себе оставляет». «Нам очень казахи помогли, и работали вместе. Я в колхозе трудилась на сеялке, затем, летом в саду работала и 12 коров доила. Мать у нас, когда болела, я вместо нее работала, а у кого трудодней не было, в Иркутск на 8 лет отправляли», - дополнила разговор жена [29, с. 103].

Такие отношения говорят сами за себя. Люди оказывали помощь. Без нее вряд ли можно было бы обойтись спецпереселенцам в тех условиях, в которые они были поставлены. Чеченцы и ингуши старались работать, как это положено. Конечно, со временем жизненные условия улучшались.

Бекбузаров Багалдин Усманович, ингуш, прибыл из села Орджоникидзе. 86 сельских хозяйств были оставлены на станции Колутон.

Глубокой полночью поезд прибыл на станцию. Переселенцев ждала сотня подвод. Пассажиров доставляли по трем селам. Бекбузаров Багалдин остался в сел. Новый Колутон, обстановка была не совсем здоровой. К этому времени местные русские распространили слухи, что «людоедов привезли». Молва, конечно же, быстро «разлетелась» [26, с. 106].

Затем семья переселилась в Лазаревку. И здесь с местными трудились в хозяйстве.

Родители Яндиевой Марьям Джемалдиновны, ингушки, переселялись из Чечено-Ингушской АССР в Казахскую ССР, а затем в Киргизскую ССР в 1944 г. Сама же она родилась в г. Фрунзе, в благополучной обстановке, в интеллигентской среде уже после того, как родители переселились окончательно в Киргизскую ССР.

Вообще в Киргизию было мало направлено ингушей (всего 20 тыс. от общего их числа), а остальная часть были в Казахстане, в основном в Северном Казахстане. Мать Марьям Яндиевой переселялась в группе чеченцев-горцев и оказалась в колхозе вблизи Джалалабада [26, с. 130].

Следует отметить, что в опубликованном проекте «Память во имя будущего» среди воспоминаний, связанных с проживанием анклавов спецпереселенцев, которые были созданы принудительным переселением, выселением, ссылкой, отбывавшими наказание по политическим мотивам, воспоминания М.Д. Яндиевой самые насыщенные, содержательные и конструктивные. Чувствуется в них пережитое ею, богатый накопленный опыт преодоления возникавших трудностей. Очевидно, преподавательская деятельность, диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук по этой же проблеме сыграли свою роль. Но вывод автора не совсем понятен.

Ни в одной стране мира, где происходили подобные акции, не звучал по итогам призыв об изучении темы начиная с 4-го класса школы. И так понятно, что она по своей направленности гнусна со стороны государства. Но ставить это целью учебного процесса, втягивать в эту историю молодых людей будет не совсем правильно. Не это должно быть главным в сознании новых поколений, а воспитание, нацеленное на формирование установок патриотизма, формирование самосознания и национального сознания, любви к своей малой родине, к Отчизне, восприятие общих целей в существовании многонационального государства, следование общей идее государства, заложенной в основе Союза ССР.

Автору не удалось в своих выводах выйти за рамки обобщения, хотя бы в пределах Северного Кавказа. Она находится в состоянии бесконечного клеймения прошлого, режима Сталина. То, что не завершена реабилитация, это уже дело государственных органов власти, а также местных - республиканских органов законодательной и исполнительной власти.

М.Д. Яндиева напоминает о некоей скрытой «депортации» в современных условиях республики, о «добровольном исходе». Вряд ли надо поворачивать общество к каким-то покаяниям, когда сразу возникает вопрос: кого и перед кем? За окном совершенно другой мир, общество высокоорганизованных и интеллектуально развитых людей. И мне, как представителю Северного Кавказа, приятно было встретить молодых симпатичных парней из Ингушской республики во Владивостоке. Летели одним и тем же авиарейсом. И я подумал: вот верно. Это их страна - Россия, они имеют право жить и работать там, где полезен их труд, где они востребованы, а не копошиться только в республике, и также в регионе, где будут постоянные проблемы жилья, устройства на работу, неудовлетворенность. Перемещение молодежи не запретишь, ей присущ поиск лучшего обустройства своей жизни, и не только в Ингушетии. Мне было приятно услышать, тем более познакомиться, с курдом Рашидом Фероевичем Шамоном в Петропавловске-Камчатском. Он прибыл по распределению из астраханского вуза. Сделал в городе «переворот» в плане обустройства, к нему прибыли еще 250 его соплеменников - курдов-езидов. Он стал депутатом Камчатского краевого собрания.

Республику надо любить, хранить в своем сердце, сохранять самобытную культуру своего народа, оберегать благородные его традиции, но это можно делать, пребывая во всех уголках нашей страны. После окончания учебы (1968) выпускники-историки Кабардино-Балкарского университета им. Х.М. Бербекова трудились на ниве просвещения в Магаданской области, в г. Топал Красноярского края (Михаил Тахохов, Анатолий Кажаров из с. Чегем -2 Кабардино-Балкарской Республики и др., которые были назначены директорами школ и сохранили теплые воспоминания об этой работе). Это был уже вклад их поколения в духовный потенциал своего государства в широком смысле слова. Этим можно гордиться.

Хамзатов Мода Бекмурзаевич, чеченец, принудительно переселялся в 1944 г. из селения Яхчайн Галашкинского района в Казахскую ССР, г. Талды-Курган. В семье Мода было 11 человек. Их поначалу доставили до г. Грозный, а затем до места расселения. Первая встреча была с казахами, и с ними же устанавливались контакты.

Мода Бекмурзаевич сразу же изложил свою характеристику казахов: «Это степной народ, который не видел, наверное, войны, проживал бедно». Чеченцы купили у казахов пшеницы, молока и тем и питались. Многие из чеченцев переселялись без каких бы то ни было запасов продовольствия. Но и казахи не были богатыми, сами голодали в селениях.

Конечно, выдаваемого хлеба - одна булка на 2-3 дня - не хватало. Потом ситуация несколько улучшилась, выдавалась мука - два мешка.

Заурбекова Ася (Галя) Висаевна, чеченка, была переселена со своей семьей из Чечено-Ингушской АССР в 1944 г. Расселялись в селе Выдриха Верхубинского района Восточно-Казахстанской области. Там же встретились и ее родители. Ася и родилась в июне 1954 г.

Трудились затем в сел. Семакша, в колхозе «Восток», который слыл crane бедным хозяйством.

У чеченцев есть слово «хейтэт», то есть расторопный, смекалистый. Хватким был тот русский человек, который пригласил их. Конечно, бабушки бы не выжили. Дело в том, что Северо-Восточный Казахстан, Северный Казахстан был Богом забытый край. Они попали именно в то место, где зимой снега ветром надувало выше крыши. Но в этих условиях пришлось своим трудом выживать...

Аблаева Заде Шерфе, из крымских татар. Семья переселялась с территории Крымской АССР в 1944 г. Сначала оказались в г. Новая Ляйля, поселок 59 в Свердловской области. Затем - в г. Гурьев, а спустя некоторое время - в Узбекистан. Вначале жили в землянке. Завод построили, улучшились жилищные условия. Получили квартиру.

Все свои житейские проблемы решали вместе. Соседями были казахи, башкиры. Вместе с ними проживали греки, чеченцы. Отмечалось полное взаимопонимание и среди соседей.

Заде Шарфе училась в русской школе, в Гурьеве, но изучала казахский язык. Изучение казахского языка было обязательным. В школе больше общались с казахами. Отец также свободно разговаривал на казахском языке.

«У нас очень добрыми были отношения со всеми другими национальностями, достаточно нормальными. Очень добрые, теплые, ни с кем не враждовали» [29], - подводя итог беседе, заявила Заде Шерфе. С сестрой и бабушкой они были доставлены в сел. Киевка-центр, колхоз им. Жамбыла Нурина района Карагандинской области Казахской ССР.

Честно говоря, «к нам относились очень хорошо. Потому что они эту ситуацию четко представляли» [26, с. 71]. Со слов бабушки, местные жители встретили переселенцев нормально. «Не было такого, чтобы кто-то к чему-то агрессивному призывал против нас».

Правда, переселенцам-грекам, по их сведениям, никто ни продуктами, ни одеждой не помогал, пользовались тем, что у них было: выживали самостоятельно да работали на полную, даже девятилетние дети трудились рядом.

Мамуч-оглы Али Сулейманович, курд. Родители переселялись с территории Санжарии (Грузинская ССР) 25 ноября 1944 г. в Балхашский район Казахской ССР. В пути находились примерно один месяц.

Соплеменникам пришлось немало пережить. Вокруг песок, ни одного деревца, холод, пурга, степь и люди, не привыкшие к такой обстановке. Переселенцы обратились с просьбой поселить их в горной местности, чтобы вода была рядом. Власти пошли навстречу, и курды переселились в Енбекши-Казахский, Талгарский, Илийский и Каскеленский районы республики.

Родители Али остановились в Каскеленском районе, в селе «Прямой путь» Алма-Атинской области. Там же родился и Али Мамуч-оглы. Отец и мать работали сначала на ферме, а затем на птицефабрике. Трудодни начисляли исправно, но они не оплачивались. Условия в этом плане мало чем отличались от прежних мест расселения.

По словам родителей, сложно решался вопрос с питанием. Питались, кто чем мог: в основном кукурузой, отрубями.

Но благодаря трудолюбию, воле к жизни, стойкому преодолению сложных погодных, географических условий, созданию приемлемых отношений

между проживающими общностями, той помощи, которую оказывало казахское население и те, кто уже обжился в этих местах, удавалось выстоять. Одним словом, «жизненные проблемы решались совместно, всем миром».

Помогали друг другу. Примеров такой помощи множество. Так, по поводу трагических событий в Аксайском районе Талды-Курганской области курды собрали 150 тыс. тенге, и в это трудное для местного населения время в знак благодарности они были переданы «кызылагашцам». Им были переданы также 10 овцематок. Это было истинное проявление дружбы народов в сложное время, яркий пример патриотизма. Помощь оказывалась местному населению и со стороны чеченцев, других народов; она была бескорыстной, от души.

Население отличалось дружелюбием. Проявления фактов отрицательного отношения между общностями не наблюдалось. Наоборот, чувствовалось сострадание, милосердие. «Последним куском хлеба питались, но всем делились» [26, с. 245-248].

Конечно, в такой ситуации важную роль играло знание языка, понимание в общении. Курдам в этом плане было проще. Многие старожилы, аксакалы знали турецкий язык, а он весьма схож с казахским языком. И тут не возникало каких-либо проблем.

Что касается трудовых навыков, то учились горцы друг у друга и в изготовлении обуви, и в пошиве одежды. Обувь делали из коровьей кожи, внутри она была с мехом.

Али Сулейманович полагал, что в 1954-1955 гг. жить стало немного лучше [26, с. 248].

Мустафаев Салим Самантович, турок-месхетинец, переселялся также из Грузинской ССР в 1944 г. в Аксайский район Казахской ССР.

«Вся семья трудилась в 1942-43 годах в совхозе, - информирует Салим, - работали я бригадиром, отец - председателем колхоза, сестра - заведующей фермой. Пришло время, когда из Грузии всех выселили: армян, азербайджанцев - ни одного не оставалось. За ними последовали азербайджанцы, турки-месхи, курды, некоторые грузины».

Причина выселения объяснялась создавшимся чисто международным положением: «Гитлер сказал Турции, давайте оттуда, с Юга, второй фронт открывать. Грузию, Армению, Азербайджан, Кавказ Турции передам».

В Казахстане проживали в Малой станице. Там были расселены и казахи, и русские. Отец Салима работал на арматурном заводе, а Салим на кондитерской фабрике, а затем охранником на заводе. Охрана сада площадью 1,5 тыс. га (из них 40 га смородины). 32 года проработал в этой должности.

На новых местах проживания отношения с местным населением выстроились за короткое время. Судя по всему, это объяснялось тем, что

с казахами у многих курдов вера была одинаковой, мусульмане казахи оказывали в этой ситуации помощь. Курды также с казахами жили мирно, с уважением.

С казахами вообще не было никаких проблем. «Уважительный народ, - вспоминает Салим Самантович, - они детей очень жалеют. Плачут, голые, босиком приехали!».

Выводы. Подводя общую черту в рамках изучаемого периода в истории Союза ССР, необходимо отметить, что в условиях осуществления подобной политики, когда за короткое время в принудительном порядке перебрасывались около 3.5 млн граждан в другие регионы обитания, всегда возникает задача и адаптации, и интеграции граждан в совершенно новый социум. В этом направлении, судя по всему, приобретает важную роль такой жизненный фактор, как *доверие*. Доверие народов в большей степени зависит от социокультурных факторов - образа жизни, менталитета, исторической памяти, лояльности или враждебности и на бытовом, и на государственном уровне.

Эта социальная категория занимает главенствующее положение. Конечно, играют роль и другие, побочные факторы: роль языка, вероисповедание, общность культур, традиций и нравов, элементы народнохозяйственной деятельности, совместное проживание отдельных народов.

Доверие содействует формированию производственной базы как основы для развития региона проживания, географического пространства на определенной территории, обозначенной в конкретном случае Казахстаном и республиками Средней Азии, а также отдельными регионами РСФСР, самой территории, объединяющей людей, расширения их контактов в социальной сфере.

Доверие - историческая, социально-психологическая и экономическая категория - становится основой для формирования эффективных взаимоотношений между различными экономическими и политическими субъектами, в том числе и в сложных условиях, основанных на балансе интересов, решении задач в отношениях частей единого государства на основе консенсуса, взвешенных компромиссов. Это четко прослеживается и на исследуемом в данной публикации материале.

Общение между этническими общностями, совместная деятельность, проживание не проходили даром. Об этом свидетельствуют и имеющиеся оценки той или иной этнической общности. Возрастала роль применения и такого социального фактора, как консоциальность. Однако это уже самостоятельная тема, в основе которой также находится фактор доверия.

Наверное, вряд ли кто-либо другой может дать лучшую характеристику этнической общности, кроме как представитель иной общности, перенесшей такую же участь и судьбу, пребывающий с ним в одном статусе спецпереселенца в экстремальной обстановке времен войны 1941-1945 гг., как и в последующий период.

Балкарец М. Уянаев, проживавший в условиях спецпереселения в пос. Кировский Талды-Курганской области Казахской ССР, вспоминал: «Наряду с балкарцами проживали представители многих высланных народов - чеченцы, ингуши, курды, корейцы, крымские татары, западные украинцы, немцы... Знакомясь с укладом жизни, бытом, трудовыми навыками разных народов, люди становились ближе друг к другу, проникались уважением к иным обычаям и традициям, перенимая лучшее в них...» [7, с. 40-41].

При этом М. Уянаев особенно выделяет советских немцев, отмечая их приоритетные черты менталитета - «пунктуальность, тщательность, чистоплотность», видя в немцах «высококласных кузнецов, строителей, механиков». И в связи с этим привлекателен вывод М. Уянаева. Он пишет: «В работе мы были не собратями по несчастью, а такими же советскими людьми - любящими свою великую Родину, стремящимися трудом своим облагородить и укрепить ее» [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286; 7, с. 41].

Совместная работа по преодолению трудностей, несомненно, имела свои итоги, которые определяются по разным категориям, изменениям самого общества в подобных условиях. С момента расселения и до 1953 г. на спецпоселении родилось 82 991 чел., в том числе детей бывших кулаков - 12 290 чел., немцев - 22 210 чел., балкарцев, карачаевцев - 26 002 чел., других контингентов - 11 070 человек [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286].

Среди умерших 309110 принудительно выселенных: чеченцев, карачаевцев, ингушей, балкарцев было 144 704 чел., немцев - 42 823 чел., спепоселенцев из Крыма - 44 887 чел., калмыков - 16 594 чел., турок-месхетинцев, курдов, хемшилов - 14 895 чел., бывших кулаков - 30 194 человека [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286].

Среди спецпоселенцев было 9 тыс. чел. с высшим образованием, около 66 тыс. чел. со средним образованием, свыше 352 тыс. неграмотных. Эту категорию составляли главным образом дети, выселенные с родителями из Закавказья (турки, курды, хемшилы, иранцы), из Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы, калмыки).

Было отмечено, что по всей территории расселения спецпоселенцев, не посещавших начальных классов, было около 20% от числа всех детей школьного возраста. Это объяснялось отсутствием зимней одежды, тяжелым материальным положением родителей, отсутствием школ в ряде мест, их отдаленностью от мест обитания. Решением этой проблемы применительно к рассматриваемому региону страны - Казахстану - занимались учителя из казахов, киргизов, русских [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.573. Л.285-286]. В экономическом секторе из общего количества переданных для использования в хозяйствах было 535 трудоспособных спецпереселенцев [ГА РФ. Ф.Р-9479. Оп.1. Д.570. Л.243].

Более активное решение всех этих проблем приходилось на последующие годы.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Бугай Н.Ф. Армяне крымские / Энциклопедия изгнаний. Депортация, принудительное выселение и этническая чистка в Европе в XX веке / Отв. ред. Д. Мешков. - М., 2013. - С. 38-39.
2. Там же. - С. 99.
3. Бугай Н.Ф. Проблемы репрессий и реабилитации граждан: история и историография (XX в. - начало XXI в.). - М., 2012. - С. 480.
4. Бугай Н.Ф., Гонов А.М. Кавказ: народы в эшелонах. - М.: Инсан, 1998. - С. 172.
5. Бугай Н.Ф., Гросул В.Я. Очерки истории Тамани. - М., 1996. См. также: Качество в истории России. - Краснодар, 1993. - С. 125.
6. Все данные о калмыках приведены по работе: Бугай Н.Ф. Операция «Улусы». - Элиста, 1991. - 88 с.
7. Вспоминает М. Уянаев // Балкария. Депортация. Свидетельствуют очевидцы. Вып. 2 / Сост. М.А. Котлярова и В.К. Котляров. - Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2004. - С. 40-41.
8. Герман А.А. Психологический и социально-политический портрет трудармейцев времен войны (1941-1945 гг.) // Немцы Сибири: история и культура. - Омск, 1999.

9. Гонов А.М. Проблемы депортации и реабилитации народов Северного Кавказа в 20-30-е годы XX в.: Дис. ... д-ра ист. наук. - Ростов н/Д, 1998. - С. 110.
10. Депортация народов Крыма. Документы, факты, комментарии. - М.: Инсан, 2002. - С. 119.
11. Дорогой горьких испытаний. - М.: Инсан, 1997.
12. Дьяченко Л.Н. Депортированные народы на территории Кыргызстана (проблемы адаптации и реабилитации): Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. - Бишкек, 2013.
13. Земсков В. Сталин. Народ. Почему не было восстания. - М.: Алгоритм, 2014. - С. 223.
14. Земсков В.Н. «Кулацкая ссылка» в 1930-е годы. Социологические исследования. - М., 1991. - № 10. - С. 6.
15. Ибрагимов М. Чеченцы: выселение, выживание, возвращение (1940-1950-е годы). - Грозный, 2015 // Рец.: Голос минувшего. Кубанский исторический журнал. - Краснодар, 2016. - № 1-2. - С. 198-207 и др.
16. История российских немцев в документах (1763-1992 гг.) // Сост.: В.А. Ауман, В.Г. Чеботарева. - М., 1993. С. 9.
17. Казиев С.Ш. Советская национальная политика и проблемы доверия в межэтнических отношениях в Казахстане (1917-1991 гг.): Дис. ... д-ра ист. наук. - М., 2015. - С. 337, 394.
18. Каширин В. Вступление русских войск в Бессарабию и ликвидация Буджакской татарской орды в начале русско-турецкой войны 1806-1812 гг. - URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1529996.html#ixzz1w397hN4f> (дата обращения: 10.05.2020).
19. Ковач Т. Депортации в Венгрии в 1944 году и роль жандармерии и местной администрации // Холокост: история и память. Книга по русистике. XVII. - Будапешт, 2006. - С. 230-252.
20. Коновалова О. Предисловие / Попечительный Комитет об иностранных поселенцах Южного края России. 1799-1876. Т. 2. Аннотированная опись дел 1819-1826 гг. - Одесса, 1999.
21. Мемориал» на месте спецлагеря «Топаз». - URL: <http://fishki.net/1587096-amerikanskij-gulag-a-oni-vsyo-o-st...> (дата обращения: 10.10.2015).
22. Международный проект «Память во имя будущего». Депортация народов в Казахстан в 1930-1950 годах: общность истории (интервью с пострадавшими от депортации в Казахстан). Ред. Б. Ракишевой. - Алматы, 2013. - С. 29-32, 35.
23. Надь Ф. Помни, Земля сибирская // Комсомолец Калмыкии. - Элиста, 1988. 13 авг.
24. Немцы в истории Республики Коми. Библиографический дайджест / Сост. Л.В. Давыдова, М.Г. Лапина. - Сыктывкар, 2008. - С. 51-52.
25. Немцы в истории России. Документы высших органов власти и военного командования. 1552-1917. Сост.: В.Ф. Дизендорф. Ред. совет тома: В.А. Ауман, В.Ф. Баумгертнер, В. Бретт, Н.Ф. Бугай, Н.А. Варденбург, В.Г. Чеботарева. - М.: Материк, 2006. Сер.: Россия, XX век.
26. Немцы-колонисты в Век Екатерины - Deutsche Kolonisten und Katharinas Jahrhundert: Сб. док. Российского государственного архива древних актов по истории организации немецких колоний в Поволжье / Сост.: Е.Е. Лыкова, М.И. Осекина. - М., 2004.
27. О Рурк Шейн. Как обрабатывался механизм репрессий: высылка терских

- казаков в 1920 году // Отечественная история. - 2008. - № 5. - С. 83- 90.
28. Они сражались за Родину. Представители репрессированных народов СССР на фронтах Великой Отечественной войны. - М.: Новый хронограф, 2005.
 29. Писаревский Г.Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. (по неизданным архивным документам). - М., 1909.
 30. Разинков С.Л. Социальный портрет и судьбы советских немцев-трудармейцев, мобилизованных в лагеря НКВД на территории Свердловской области в 1941-1945 гг.: опыт создания и применения электронной базы данных // С.Л. Разинков: Дис. ... канд. ист. наук. - Екатеринбург, 2001.
 31. Рахманкулова А.Х. Об использовании трудового потенциала депортированных народов в Узбекистане в конце 1930-х - 1940-е годы // Этнографическое обозрение. - 2006. - № 5.
 32. «Совершенно секретно». Лубянка - Сталину (1922-1934 гг.). - 2008. - Т. 8. Ч. 1. - С. 825.
 33. Хлынина Т.П., Кринко Е.Ф. История, политика и нациестроительство на Северном Кавказе. - Ростов н/Д, 2014.
 34. Хлынина Т.П. «Русский вопрос» и административная практика его разрешения в Адыгейской автономной области 1920-х годов // Мир славян Северного Кавказа. - Краснодар, 2003. - С. 200.
 35. Хунагов А.С. Депортация народов с территории Краснодарского края и Ставрополя. 20-30-е годы. Дис. ... канд. ист. наук. ИРИ РАН. - М., 1997. -С. 119.
 36. Хунагов А.С. «Черные доски» - репрессивная мера по отношению крестьянства юга России. 30-е годы // Народы России: проблемы в депортации и реабилитации. - Майкоп, 1997. - С. 188.
 37. Чернолуцкая Е.Н. Принудительные переселения немцев на советском Дальнем Востоке в 1940-х - начале 1950-х гг. - С. 377. - URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/14829/30.pdf>. (дата обращения: 20 марта 2020 г).
 38. Эрмекбаев Ж.А. Чеченцы и ингуши в Казахстане. История и судьбы. - Алматы: Дайк-пресс, 2009. - 508 с.

REFERENCES

1. Bugay N.F. Armyane krymskiye [Crimean Armenians]. Entsiklopediya izgnaniy. Deportatsiya, prinuditel'noye vyseleniye i etnicheskaya chistka v Yevrope v КНKH vek. М. 2013. Otv. red. D. Meshkov. М., 2013. P. 38-39.
2. Bugay N.F. Armyane krymskiye... P. 99.
3. Bugay N.F. Problemy repressiy i rehabilitatsii grazhdan: istoriya i istoriografiya 4. (XX v - nachalo XXI v.) [Crimean Armenians ...]. М., 2012. P. 480.
4. Bugay N.F., Gonov A.M. Kavkaz: narody v eshelonakh.[Problems of repression and rehabilitation of citizens: history and historiography(XX century - early XXI century)] М.: Insan, 1998. P. 172.
5. Bugay N.F., Grosul V.YA. Ocherki istorii Taman. [Essays on the history of Taman] М., 1996.:
6. Vse dannyye o kalmykakh privedeny po rabote: Bugay N.F. Operatsiya «Ulusy» [All data on the Kalmyks are given according to the work]. Elista, 1991. 88 p.
7. Vspominayet M. Uyanayev. Balkariya. Deportatsiya. Svidetel'stvuyut ochevidtsy. Vyp. 2. /Sost. M.A. Kotlyarova i V.K. Kotlyarov. [Remembers

- M. Uyanaev. Balkaria. Deportation. Eyewitnesses testify. Issue 2. Comp. M.A. Kotlyarov and V.K. Kotlyarov] Nal'chik: Poligrafservis» i T, 2004. P. 40-41.
8. German A.A. Psikhologicheskii i sotsial'no-politicheskii portret trudarmeytsev vremen voyny (1941-1945 gg.) [Psychological and socio-political portrait of labor army during the war (1941-1945)] Nemtsy Sibiri: istorii i kul'tura. Omsk, 1999.
 9. Gonov A.M. Problemy deportatsii i reabilitatsii narodov Severnogo Kavkaza v 20 - 30-ye gody KHKH v. Dis... d.i.n. [Problems of deportation and rehabilitation of the peoples of the North Caucasus in the 20s-30s of the twentieth century. Dis Doctor of History] Rostov-na-Donu, 1998. P. 110.
 10. Deportatsiya narodov Kryma. Dokumenty, fakty, kommentarii. [Documents, facts, comments] M.: Insan. 2002. P. 119.
 11. Дорогой горьких испытаний. [Documents, facts, comments]. M.: Инсан, 1997.
 12. D'yachenko L.N. Deportirovannyye narody na territorii Kyrgyzstana (problemy adaptatsii i reabilitatsii). Avtoref. dis. ...d.i.n. [Dyachenko L.N. Deported peoples on the territory of Kyrgyzstan (problems of adaptation and rehabilitation). Abstract of thesis. dis. ... Doctor of History] Bishkek, 2013.
 13. Zemskov V. Stalin. Narod. Pochemu ne bylo vosstaniya. [People. Why there was no uprising]. M.: Algoritm, 2014. P. 223.
 14. Zemskov V.N. «Kulatskaya ssylka» v 1930-ye gody. Sotsiologicheskiye issledovaniya. [«Kulak exile" in the 1930s. Sociological research]. M., 1991. № 10. P. 6.
 15. Ibragimov M. Chechentsy: vyseleniye, vyzhivaniye, vozvrashcheniye (1940 - 1950-ye gody) - Groznyy, 2015. Rets.: Golos minuvshogo. Kubanskiy istoricheskiy zhurnal № 1 - 2. [Chechens: eviction, survival, return (1940s-1950s) Grozny, 2015. Speaker: Voice of the Past] Krasnodar, 2016. P. 198-207,
 16. Istoriya rossiyskikh nemtsev v dokumentakh (1763-1992 gg.) [History of Russian Germans in documents (1763-1992)] Sost.: V.A. Auman, V.G. Chebotareva. M., 1993.
 17. Kaziyeu S.SH. Sovetskaya natsional'naya politika i problemy doveriya v mezhetnicheskikh otnosheniyakh v Kazakhstane (1917-1991 gg.). Diss. ...d.i.n. [Soviet nationality policy and problems of trust in interethnic relations in Kazakhstan (1917 - 1991). Diss. ... Doctor of History]. M. 2015. P. 337, 394.
 18. Kashirin V.. Vstupleniye russkikh voysk v Bessarabiyu i likvidatsiya Budzhakskoy tatarskoy ordy v nachale russko-turetskoy voyny 1806-1812 gg. [The entry of Russian troops into Bessarabia and the elimination of the Budzhak Tatar horde at the beginning of the Russian-Turkish war of 1806-1812] URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1529996.html#ixzz1w397hH4f> (data obrashcheniya: 10.05.2020).
 19. Kovach T. Deportatsii v Vengrii v 1944 godu i rol' zhandarmerii i mestnoy administratsii. Kholokost: istoriya i pamyat' Kniga po rusistike. XVII. [Deportations in Hungary in 1944 and the role of the gendarmerie and local administration] Budapesht, 2006. P. 230-252.
 20. Konovalova O. Predisloviye. Popechitel'nyy Komitet ob inostrannykh poselentsakh Yuzhnogo kraya Rossii. 1799-1876 [Board of Trustees for foreign settlers of the southern region of Russia. 1799-1876]. Tom 2. Annotirovannaya opis' del 1819-1826 gg. Odessa, 1999.
 21. Memorial» na meste spetslagerya «Topaz» [Memorial "at the site of the Topaz special camp]. URL: <http://fishki.net/1587096-amerikanskij-gulag-a-oni-vsyo-ost...> (data obrashcheniya: 10.10.2015).

22. Mezhdunarodnyy proyekt «Pamyat' vo imya budushchego». Deportatsiya narodov v Kazakhstan v 1930 - 1950 godakh: obshchnost' istorii (interv'y u s postradavshimi ot deportatsii v Kazakhstan). Red. B. Rakishevoy [International project "Memory for the Future". Deportation of peoples to Kazakhstan in 1930-1950: common history (interviews with victims of deportation to Kazakhstan). Ed. B. Rakisheva]. Almaty, 013. P. 29-32, 35.
23. Nad' F. Pomni Zemlya sibirskaya [Remember the Siberian Land] - Komsomolets Kalmykii. Elista. 1988. 13 avgusta.
24. Nemtsy v istorii Respubliki Komi. Bibliograficheskiy daydzhest [Germans in the history of the Komi Republic. Bibliographic digest]. Sost. L.V. Davydova, M.G. Lapina. Syktyvkar, 2008. P. 51-52.
25. Nemtsy v istorii Rossii. Dokumenty vysshikh organov vlasti i voyennogo komandovaniya. 1552 - 1917. Sost.: V.F. Dizendorf. Red. sovet toma: V.A. Auman, V.F. Baumgertner, V. Brett, N.F. Bugay, N.A. Vardenburg, V.G. Chebotareva [Germans in the history of Russia. Documents of the highest authorities and military command. 1552-1917] M.: Materik, 2006. Seriya: Rossiya, XX vek.
26. Nemtsy-kolonisty v Vek Yekateriny = Deutsche Kolonisten und Katharinas Jahrhundert. Sb. dok. Rossiyskogo gosudarstvennogo arkhiva drevnikh aktov po istorii organizatsii nemetskikh koloniy v Povolzh'ye /Sost.: Ye.Ye. Lykova, M.I. Osekina. [German colonists in the Age of Catherine = Deutsche Kolonisten und Katharinas Jahrhundert. Sat. doc. Russian State Archive of Ancient Acts on the History of the Organization of German Colonies in the Volga Region] M., 2004.
27. O Rurk Sheyn. Kak otrabatyvalsya mekhanizm repressiy: vysylka terskikh kazakov v 1920 godu [ow the mechanism of repression was worked out: the expulsion of the Terek Cossacks in 1920]. Otechestvennaya istoriya. 2008. № 5. P. 83-90.
28. Oni srazhalis' za Rodinu. Predstaviteli repressirovannykh narodov SSSR na frontakh Velikoy Otechestvennoy voyny. [They fought for their homeland. Representatives of the repressed peoples of the USSR on the fronts of the Great Patriotic War.] M.: Novyy khronograf, 2005.
29. Pisarevskiy G.G. Iz istorii inostrannoy kolonizatsii v Rossii v XVIII v. (Po neizdannym arkhivnym dokumentam). [From the history of foreign colonization in Russia in the 18th century. (Based on unpublished archival documents)]. M., 1909;
30. Razinkov S.L. Sotsial'nyy portret i sud'by sovetskikh nemtsev-trudarmeitsev, mobilizovannykh v lagerya NKVD na territorii Sverdlovskoy oblasti v 1941-1945 gg.: opyt sozdaniya i primeneniya elektronnoy bazy dannykh [Social portrait and the fate of Soviet German labor army members mobilized in the NKVD camps on the territory of the Sverdlovsk region in 1941-1945: experience in creating and using an electronic database]. S.L. Razinkov. Dissertatsiya... k.i.n. Yekaterinburg, 2001.
31. Rakhmankulova A.KH. Ob ispol'zovanii trudovogo potentsiala deportirovannykh narodov v Uzbekistane v kontse 1930-kh - 1940-ye gody [Social portrait and the fate of Soviet German labor army members mobilized in the NKVD camps on the territory of the Sverdlovsk region in 1941-1945: experience in creating and using an electronic database]. Etnograficheskoye obozreniye. 2006. № 5.
32. «Sovershenno sekretno». Lubyanka - Stalinu (1922-1934 gg.) ["Top secret". Lubyanka to Stalin (1922-1934)]. M. 2008. T. 8. CH. 1. P. 825.
33. Khlynina T.P., Krinko Ye.F. Istoriya, politika i natsiyestroitel'stvo na Severnom

- Kavkaze. [History, politics and nation-building in the North Caucasus] Rostov-na-Donu, 2014.
- 34.34. Khlynina T.P. «Russkiy vopros» i administrativnaya praktika yego razresheniya v Adygeyskoy avtonomnoy oblasti 1920-kh godov [History, politics and nation-building in the North Caucasus] Mir slavyan Severnogo Kavkaza. Krasnodar, 2003. P. 200. Khunagov A.S
35. Khunagov A.S. Deprtatsiya narodov s territorii Krasnodarskogo kraya i Staropol'ya. 20 - 30-ye gody Dis ...k.i.n. IRI RAN. [Deportation of peoples from the territory of the Krasnodar Territory and Staropolye. 20-30s Dis ... Ph.D. IRI RAN]. M., 1997. P. 119.
36. Khunagov A.S. «Chernyye doski» - repressivnaya mera po otnosheniyu krest'yanstva yuga Rossii. 30-ye gody. [Black boards" - a repressive measure against the peasantry of the south of Russia. 30s.]. Narody Rossii: problemy deprtatsii i reabilitatsii. Maykop, 1997. P. 188.
37. Chernolutskaya Ye.N. Prinuditel'nyye pereseleniya nemtsev na sovetskom Dal'nem Vostoke v 1940-kh - nachale 1950-kh gg. S. 377 [Forced resettlement of Germans in the Soviet Far East in the 1940s - early 1950s. P. 377] - URL: <http://www.sgu.ru/files/nodes/14829/30.pdf>. (data obrashcheniya:
38. Ermekbayev ZH.A. Chechentsy i ingushi v Kazakhstane. Istoriya i sud'by. - [Chechens and Ingush in Kazakhstan. History and destinies]. Almaty: Dayk-press, 2009. 508 p.

Информация об авторе: Бугай Николай Федорович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт российской истории Российской академии наук, действительный государственный советник Российской Федерации III класса
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
nikolay401@yandex.ru

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи

Information about the author: Bugai Nikolai Fedorovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, Acting State Advisor of the Russian Federation, Class III
ORCID id: <https://orcid.org/0000-0002-8363-1638>
nikolay401@yandex.ru

The author have read and approved the final manuscript.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted: 20.10.2021

Одобрена после рецензирования и доработки / Approved after reviewing and revision: 19.08.2021

Принята к публикации / Accepted for publication: 20.10.2021

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов./ The author declare no conflicts of interests